

СЬЮЗАН ПЕТИК

*Собака
в подарок*

Лучший подарок — это друг.

Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы

Сьюзан Петик

Собака в подарок

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Петик С.

Собака в подарок / С. Петик — «Эксмо», 2017 — (Тот, кто не предаст. Люди и их питомцы)

ISBN 978-5-04-093286-3

Десятилетний Киран вместе с семьей переезжает в крошечный городок Болингброк. У мальчика нет друзей, и одноклассники вечно его дразнят. Единственная отдушина для него – прогулки с дедушкой. Однажды, гуляя с ним по лесу, он находит собаку – забавного пса с огромным носом и смешными усами. Наконец в жизни ребенка появляется друг, с которым можно играть и прятаться от взрослых. Чего еще можно желать? Если только... Может, мама разрешит забрать собаку домой? Но у пса наверняка есть хозяин, а это значит, путь к счастью будет чуть длиннее.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-093286-3

© Петик С., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сьюзан Петик

Собака в подарок

Лучший подарок – это друг.

Глава 1

– Один, два, три, четыре...

Киран все бежал и бежал, тяжело дыша и хрипло шепча:

– Пять, шесть, семь, восемь...

Он уже четыре раза досчитал до ста, но Коуди не отставал.

– Иди сюда, урод!

– Тринадцать, четырнадцать, пятнадцать...

Киран посмотрел через плечо – Коуди приближался. Киран закрыл глаза и заставил свои длинные ноги работать еще усерднее.

– Двадцать один, двадцать два...

Ну почему он не побежал к школьному автобусу, а вместо этого спрятался в туалете?

Если бы Коуди поймал его тогда, все обошлось бы просто резким натягиванием трусов или ударом кулака в руку. Теперь же, когда безопасная территория школы осталась позади, Коуди Дэниелс может сделать с ним все, что угодно. Теперь Киран может только одно – бежать и надеяться, что старшекласснику надоест гнаться за ним и он оставит его в покое.

Впереди на тротуаре зияла трещина. Киран попытался обогнуть ее, но нога попала в яму, и он упал, вскрикнув, когда его пронзили сначала боль, потом ужас. Киран сбился со счета! До какого числа он досчитал? Его нижняя губа задрожала, глаза защипало от слез. У него было такое чувство, словно мир вокруг него рушится.

Все хорошо, приятель. Просто начни сначала. У тебя все получится.

Киран вздохнул – слова его словно пролились на душу бальзамом. Да, он может начать сначала. Ведь числа никуда не делись, они здесь, они все так же точны. На числа можно положиться, когда все остальные – родители, друзья – его подвели. Киран стиснул зубы и побежал дальше.

– Один, два, три, – пробормотал он. – Четыре, пять, шесть...

– Я поймаю тебя, чмо! На этот раз ты от меня не убежишь!

Тротуар закончился, но Киран продолжал бежать вперед, огибая корни деревьев и норы сусликов. Он с трудом сохранил равновесие, когда рядом пронеслась машина. Что, если Коуди так и не сдастся? Что, если он будет гнаться за ним вечно?

– Тридцать шесть, тридцать семь, тридцать восемь...

Продолжая бежать куда глаза глядят, подгоняемый страхом, Киран даже не заметил, как миновал последний дом. Аккуратные кирпичные дома – украшенные в честь Рождества, уступили место густым зарослям орешника и сосен, тянущимся по обе стороны улицы. Мальчик содрогнулся, вспомнив, как его мать предостерегала его насчет этого леса с подлеском, в котором нет ни единой тропинки, с густым сплетением зарослей, хватающим за ноги непослушных мальчишек, делая их легкими жертвами обитающих здесь зверей.

За ним, словно бешеный бык, по высокой сухой траве мчался Коуди. Киран взглянул на запретную чащу. Никто в здравом уме не бросился бы сломя голову в этот полный скрытых опасностей лабиринт, подумал он. На такой риск пойдет только тот, кто дошел до высшей точки отчаяния.

Как я сейчас.

Киран повернулся, почувствовал, что скользит, и увидел пытающуюся схватить его руку Коуди. Увернувшись от тянущихся к нему пальцев, он почувствовал, как подошвы его кроссовок вновь сцепляются с землей, и бросился прямо в чащу. Он споткнулся и, чуть было не упав, неистово замахал своими худыми руками, чтобы не потерять равновесия, затем снова кинулся вперед. С безопасной обочины дороги Коуди, задышавшись, крикнул:

– Теперь тебе несдобровать, чокнутый урод! Еще ни один сопляк не выбирался оттуда живым!

Киран убегал все дальше и дальше в лес, пока его колени не подогнулись и он не рухнул на землю. Чувствуя, как дрожат его мышцы, как саднят руки от колючек ежевики, которые царапали его, когда он пробежал мимо, мальчик закрыл глаза и попытался перевести дух. Его отчаянный план сработал. Теперь надо только отыскать путь домой.

Киран встал с земли и огляделся по сторонам. Когда он бежал очертя голову, чтобы спастись, он не смотрел, куда несут его ноги, и теперь он почти сразу же понял, что заблудился. Хуже того, из чащи доносились странные звуки, так что, ясное дело, тут может испугаться даже скаут-волчонок. Он шел по тускло освещенному подлеску, пытаясь найти выход, хотя вместо этого только уходил все дальше в лес; при этом все чувства его были обострены.

Когда Киран проходил мимо, сидевшая на ветке ворона каркнула и улетела. Какое-то существо быстро пронеслось сквозь листву и исчезло в темноте. Киран сглотнул, чувствуя, что в нем опять нарастает желание начать считать. Он мотнул головой и заставил себя выбросить это необъяснимое стремление из головы. Стремление считать вслух было одной из тех вещей, из-за которых Коуди и обозлился на него, и именно из-за этой привычки другие ребята или старались держаться от Кирана подальше, или нервно хихикали. Иногда ему казалось, что было бы лучше, если бы все ребята относились к нему так же, как Коуди. Тогда он бы, по крайней мере, знал, что они только притворяются его друзьями, шепчась за его спиной.

Долгое урчание в животе напомнило мальчику, что сейчас ему следовало бы уже быть дома и сидеть за ужином. Его мать вернется поздно, а Дилан и МакКенна, если они вообще заметят его отсутствие, будут этому только рады, но дедушка Уэндел забеспокоится, если, придя домой, увидит, что Кирана еще нет. Мальчик с трудом подавил всхлип. Он перехитрил не Коуди, он перехитрил сам себя.

Что-то зашевелилось в листве за его спиной. Киран резко обернулся и вгляделся в сгущающиеся сумерки, чувствуя, как часто бьется его сердце, когда ему вспомнились прощальные слова Коуди:

– Еще ни один сопляк не выбирался оттуда живым!

Тогда он подумал, что Коуди просто пытается его запугать, но что, если это правда? Что, если в этом лесу и впрямь есть что-то дурное, какая-то злая сила, из-за которой он может остаться здесь навсегда? От этой мысли у него засосало под ложечкой.

Вот он услышал движение в листве опять, на этот раз ближе, затем луч закатного солнца отразился в паре желтых глаз, смотрящих на него из полумрака. Он почувствовал, как у него сжимается горло, его ноги словно приросли к земле, и Киран не мог произнести ни звука. На него нахлынули воспоминания о его семье и, думая о людях, которые любят его и которым его будет не хватать, несмотря ни на что, Киран заплакал. По его лицу потекли соленые слезы, и он повалился на землю, сожалея о своей собственной глупости, которая, избавив его от простых колотушек Коуди, привела в пасть чудовища.

Шелест сухих листьев под ногами становился все громче, по мере того как таящееся в тени существо приближалось. Киран попробовал опять начать считать – просто, чтобы успокоиться, – а когда числа не помогли, его охватило неудержимое желание скривиться. Его лицо перекосилось один раз, другой, третий, его искажали тики, с которыми Киран ничего не мог поделать. Его щеки горели от стыда. Хорошо, что никто не узнает, каким слабаком он был, когда пришел его конец.

Затем Киран вдруг почувствовал на своем лице какое-то влажное дуновение, и что-то шершавое и мокрое начало стирать с его лица слезы. Ошеломленный, он отпрянул и открыл глаза.

Перед ним стоял пес с шерстью всех оттенков серого. У него была длинная морда, большой черный нос и усы, покрывающие его пасть и нижнюю челюсть, как у какого-нибудь ста-

рика. Его лохматые стоячие уши были похожи на крылья летучей мыши, а в близко посаженных глазах застыло беспокойство. Вид у него был настолько смешной, что Киран рассмеялся.

Эта реакция мальчика, похоже, понравилась псу, и он осторожно поставил лапу на его руку, явно для того, чтобы его приободрить. Киран поднял дрожащую руку, робко погладил животное, и пес опустил голову, словно показывая, где и как его надо гладить. К тому времени, как его полуистерический смех стих, прекратились и искажавшие его лицо неконтролируемые тики.

Затем пес ткнул его своей длинной серой мордой, явно побуждая Кирана встать с земли. Мальчик поднялся на ноги, стряхнул с одежды прилипшие листья и стебельки выюнков и огляделся по сторонам.

– Ты можешь вывести нас отсюда?

Пес склонил голову набок, будто прислушиваясь, потом развернулся и двинулся туда, откуда пришел, после чего повернул голову, словно ожидая, что мальчик последует за ним. Киран прикусил нижнюю губу. Даже если пес приведет его в свой собственный дом, он, по крайней мере, все же выберется из этого леса, но ведь на собаке нет ошейника, а раз так, он, возможно, бездомный. В этом случае, подумал Киран, он только заведет его еще глубже в лес.

Однако, когда он пытался выбраться отсюда сам, у него ничего не вышло, а оставаться на месте тоже не выход. В южнокаролинском предгорье сумерки в декабре опускаются быстро, и после того, как солнце сядет совсем, температура стремительно пойдет вниз, а куртка Кирана недостаточно тепла и водонепроницаема, чтобы согреть его, если начнется мороз. Так что при сложившихся обстоятельствах лучше пойти за псом и надеяться на лучшее.

– Ладно, – сказал мальчик. – Думаю, мне придется довериться тебе.

Услышав это, пес продолжил путь, а Киран, не отставая, пошел за ним. Заметив, как животное огибает препятствия, встречающиеся на его пути, обходит упавшие деревья, проходит на безопасном расстоянии от красно-оранжевого ядовитого плюща, Киран подумал, что, возможно, этот пес уже давно живет в лесу. Тогда он, быть может, предпочтет поселиться в хорошем теплом доме, в котором живет девятилетний мальчик.

Киран услышал, как мимо проехала машина, и понял, что рядом проходит шоссе. Он так обрадовался, что утратил осторожность, пошел вперед, не глядя, куда ставит ноги, и наткнулся на сломанную ветку, которая проткнула его куртку под мышкой. Киран остановился и пригладил рваные края дыры, надеясь, что его мать ее не заметит и он успеет незаметно ее зашить.

Шум дорожного движения стал громче, и Киран удивился тому, как много на шоссе машин. Как далеко он зашел в своих скитаниях? Находится ли он еще в окрестностях Болингброка или же забрел в соседний город? Но выйдя из-за деревьев, он увидел, что отошел только на несколько десятков ярдов от того места, где вбежал в лес. Несмотря на все обучение, которое он прошел как скаут, мальчик допустил типичную ошибку новичка – ходил кругами по одному и тому же месту.

Он повернулся и поманил пса рукой:

– Эй, дружок, мы уже почти дома. Пошли.

Пес попятился, явно не желая покинуть полог леса.

– Все хорошо, – сказал Киран. – Машины тебя не тронут.

Но пес отказывался выходить. Киран сделал шаг вперед и протянул к нему руку, но, вместо того чтобы подойти ближе, пес повернулся и с шумом вломился обратно в лес. Несколько секунд – и он исчез из виду.

Киран несколько минут подождал, надеясь, что пес вернется, но поскольку время неумолимо шло, а его желудок был мучительно пуст, он в конце концов нехотя решил вернуться домой. Затем в глаза ему бросился клоч серой шерсти, которая, видимо, зацепилась за колючку ежевики, когда пес убегал. Киран снял клоч шерсти с куста, положил его в карман, снова вышел из леса и побежал домой.

* * *

Уэндел готовил ужин, когда услышал, как хлопнула парадная дверь. Когда Киран вбежал в кухню, старик посмотрел на часы. Мальчик опоздал, но вид у него сейчас был куда веселее, чем обычно, и Уэндел решил не требовать у него объяснения причины опоздания. Мальчикам его возраста нравится мешкать по дороге домой. Так что, если его внук задержался потому, что бегал за букашками или ловил раков, это не беда.

Мальчик сел за стол, и Уэндел налил ему стакан сладкого чая и поставил рядом коробку с крекерами.

– Как дела в школе? – спросил он, беря крекер.

Киран выпил залпом стакан чая и только потом ответил:

– Хорошо. – Он засунул в рот крекер, потом потянулся за еще одним. – Можно я выйду?

Уэндел нахмурился. Сначала его внук опоздал, а теперь еще и торопится уйти. Если бы не беззаботное настроение пацана, он бы, пожалуй, решил, что что-то тут неладно.

– Что за спешка? У тебя что, нет времени на такого старика, как я?

Киран бросил на него нетерпеливый взгляд.

– Да я же сейчас вернусь. Мне просто надо проверить одну штуку у себя в комнате.

– Хорошо, иди, – сказал Уэндел. – Но ты же сам знаешь, если у тебя возникла какая-то проблема, ты можешь рассказать обо всем мне, лады?

– Само собой, – ответил Киран, соскакивая со стула. – Почему бы нет?

Когда мальчик убежал, Уэндел сказал себе, что надо быть терпеливым. Если что-то произошло, Киран знает, что его дед всегда с сочувствием выслушает его. Он взял еще один крекер и посмотрел, как там лазанья. Соус тихонько пузырился, а сыр начинал покрываться румяной корочкой. Еще двадцать минут, и он достанет блюдо, поставит его на кухонный стол и даст ему какое-то время постоять, прежде чем подать. Есть в жизни такие вещи, подумал он, на которые нужно тратить определенное время, и их нельзя делать быстрее, как бы тебе этого ни хотелось.

Киран побежал по коридору, чуть не потеряв равновесия, когда он ступил на скользкий линолеумный пол.

– Дедушка!

Уэндел почувствовал досаду.

– Что?

– Какая разница между человеческими волосами и шерстью животного?

– Откуда мне знать? Разве это так важно?

Киран недовольно сдвинул брови.

– Конечно, важно.

– Что ж, тогда перестань приставать ко мне и посмотри в Интернете.

– Точно! В Википедии! – крикнул мальчик и опять умчался к себе.

Уэндел выгружал посуду из посудомоечной машины, когда несколько минут спустя Киран вернулся, держа в руках коробку из-под обуви. Он сел за стол, открыл коробку и аккуратно положил ее крышку на самый край стола.

– Шерсть и волосы – это одно и то же, – буднично сказал он. – И то и другое состоит из цепочек молекул белка, называемого кератином, того же самого, из которого строятся когти, копыта и рога у носорогов.

– Да ну?

– Да, – сказал мальчик, – а раз так, то я могу поместить шерсть, которую я нашел сегодня днем, в мою коллекцию волос.

Он достал из коробки пластиковый пакетик и положил в него клочок серой шерсти.

Уэндел подошел к нему и посмотрел.

– Говоришь, шерсть? Ну, и где ты ее нашел?

Киран ответил не сразу – сначала он застегнул пакетик, потом аккуратно положил его в коробку к остальным, после чего взял крышку и так же аккуратно закрыл ею коробку.

– В лесу.

– В лесу? Так ты ходил в *лес*?

Киран скорчил гримасу, которую Уэндел много раз видел на лице его старшей сестры.

– Не парься, дедушка. Подумаешь – в лес.

Старик почувствовал, что начинает злиться.

– Не дерзи мне. И когда же тебя понесло в лес?

У Кирана вытянулось лицо.

– С-сегодня. По дороге домой. – У него снова начала дергаться лицевая мышца. – Я опоздал на школьный автобус.

Уэндел провел рукой по своим редким волосам, стараясь оставаться спокойным. Сколько раз он уже говорил этому пацану, чтобы тот не смел соваться в лес? И все как об стенку горох.

– Послушай, – сказал он, делая над собой усилие, чтобы говорить, не повышая голоса. – В этом лесу есть такие твари, с которыми ох как опасно сталкиваться лицом к лицу: змеи, еноты, койоты...

– Я знаю, – сказал мальчик, прижав руку к тому месту на своей щеке, где продолжал дергаться мускул. – Мне об этом говорила мама.

– А она рассказывала тебе о капканах? Тут есть немало людей, которым все это зверье не нравится, и они ставят в лесу капканы и западни, чтобы ловить этих тварей.

Киран побледнел.

– Я... я этого не знал.

– Теперь знаешь. И поэтому ты не должен никогда ходить в лес один.

Мальчик явно приуныл, его маленькое тело словно сгорбилось под тяжестью неодобрения деда. Уэндел вздохнул. Интересно, сколько в лесу действительно таится опасностей, а сколько их существует только в его воображении?

– Я тебе вот что скажу, – продолжил он. – Когда тебе захочется погулять в лесу в следующий раз, скажи об этом мне, и мы пойдем вместе. Согласен?

Киран кивнул, все так же прижимая руку к дергающейся щеке.

– Теперь убери на место свою коллекцию волос и вытри посуду. Скоро вернутся Дилан и МакКенна, и тебе надо будет накрыть на стол.

Когда мальчик убежал, Уэндел покачал головой. Вот почему он продолжает твердить Рене, что она должна найти себе мужа. Этому пацану нужен кто-то, кто будет водить его на природу, чтобы охотиться, ловить рыбу или просто исследовать окружающий мир. Старик с хрустящими при движениях суставами и больной спиной – плохая замена отцу, который мог бы вселить в Кирана уверенность в своих силах, так необходимую ему, чтобы преодолеть трудности, встающие на пути. Если это так очевидно ему, Уэнделу, то почему же этого не видит его дочь?

Он опять пошел к посудомоечной машине, чувствуя злость на своего бывшего зятя. Когда наступила черная полоса, Грег просто взял и слинял, нисколько не заботясь о том, как теперь будет жить его младший сын. Хотя у Кирана и есть кое-какие проблемы, но он хороший пацан. Мальчик ничем не заслужил такой матери, которой никогда не бывает дома, и брата с сестрой, которые считают, что это он виноват в уходе отца.

Уэндел еще раз посмотрел на часы и ощутил укол беспокойства – сейчас Рене как раз должна подъезжать к ресторану. Это было уже третье свидание вслепую, которое он для нее организовал, и мужчина надеялся, что на этот раз все получится. После двух предыдущих попыток, не увенчавшихся успехом, у его дочери поубавилось готовности принимать от него помощь в сватовстве. Ради всей их семьи он надеялся, что в третий раз ей повезет.

Глава 2

Рене Ричардсон сидела в своей машине на парковке перед рестораном под названием «Свинка Бубба» и ждала, чтобы к нему подъехал какой-нибудь одинокий мужчина и вошел внутрь прежде, чем это сделает она. Когда-то Рене читала в книге, рассказывающей о том, как надо вести себя на свидании, что нельзя являться первой, потому что тогда мужчина подумает, что ты совсем отчаялась найти себе партнера. Ясное дело, если свидания вслепую тебе устраивает твой собственный отец, это само по себе означает, что ты близка к тому, чтобы потерять надежду, но нельзя же демонстрировать это всем и каждому.

На парковку заехал пикап, и из него вышла парочка в одинаковых рубашках и джинсах «Ли» и побежала к двери ресторана. За ними тянулись облачка пара, в которые превращалось их дыхание. Рене вновь запустила двигатель своего автомобиля и включила печку, чтобы согреть заледеневшие ноги.

Когда Батч предложил поужинать в «Свинке Буббе», она решила, что это название носит иронический характер, представив себе этакую хипповую местную импровизацию на тему южной кухни, но оказалось, что это никакая не хипповая импровизация, а просто скромное заведение с самой что ни на есть кондовой южной кухней. Нет, Рене ничего не имела против такого расклада, ведь когда переезжаешь в новое место, одно из преимуществ – это возможность попробовать местные блюда. Но знай она заранее, что в этом ресторанчике такая неприкаянная обстановка, она не стала бы надевать юбку и туфли с ремешками на высоких каблуках. О, господи, как же холодно!

Рене заглушила мотор и посмотрела на часы; она сидела здесь уже десять минут, и за это время в ресторанчик не зашел ни один одинокий мужчина. Если она в ближайшее же время не зайдет внутрь, в тепло, ее зубы начнут выбивать такую дробь, что она откусит себе язык, едва скажет: «Привет». Так что разумнее будет все-таки зайти в ресторан. Лучше показаться беспомощной и жалкой, чем превратиться в ледышку. К тому же что, если Батч все-таки уже как-то зашел внутрь, а она этого не заметила? Рене посмотрела на себя в зеркало, вышла из машины, закрыла ее и пошла ко входу.

В зоне ожидания никого не было, за столиками в зале не было видно ни одного одинокого мужчины, который бы смотрел в ее сторону. Рене закусила губу и стала гадать, что же ей теперь делать. Может быть, он опаздывает? Она достала из сумочки телефон и посмотрела на экран – сообщений нет. Может быть, она перепутала дату? Нет, она уверена, свидание должно состояться именно сегодня вечером. О, господи. Что, если он решил не приходить? Некоторые посетители уже начинали бросать на нее любопытные взгляды. Рене почувствовала, что краснеет.

Перестань нервничать, – сказала она себе. – У тебя столько же прав находиться здесь, сколько и у остальных.

Рене вздернула подбородок, стараясь выглядеть более уверенно, чем чувствовала себя на самом деле, и рассматривая интерьер ресторана. Внутри «Свинка Бубба» казалась еще более скромной, чем снаружи. Столешницы столиков были из огнеупорной пластмассы, вокруг них были расставлены стулья со спинками из перекладин, а вдоль стойки, за которой были видны стряпающие раскрасневшиеся повара в белых передниках, стоял ряд табуретов. Судя по желтым пятнам на потолке рядом с четырьмя вентиляторами, которые сейчас, к счастью, не работали, за прошедшие годы в ресторанчике не раз протекала крыша, но ряд керамических свинок на полке у окна, выходящего на фасад, придавал ему довольно игривый вид.

К тому же пахло здесь невероятно.

Табличка рядом с кассой гласила: *Усаживайтесь*, и после того, как Рене прождала в зоне ожидания еще две минуты, так и не увидев ни одного одинокого мужчины, она решила все-

таки сесть. Это лучше, чем стоять, как столб, ловя на себе любопытные взгляды, и если Батч не появится, она сможет просто поужинать одна, и никто из окружающих ничего не узнает.

Когда Рене вошла в обеденный зал, она перехватила взгляд проходящей мимо официантки. Держа в одной руке детское сиденье, а в другой нагруженный блюдами поднос, женщина пробиралась между столиками так же ловко, как рыба, лавирующая в ручье.

– Чем я могу вам помочь?

– Я собираюсь сесть. – Рене указала на незанятый столик. – Мужчина, с которым у меня свидание, скоро придет.

Если он вообще явится сюда.

– Вы Рене?

– Да, – ответила она. – Это я.

– Ваш кавалер ждет вас за столиком вон там, – сказала официантка, кивком показывая на один из столиков. – Через минуту я подойду и приму у вас заказ.

Зал ресторана имел форму буквы «L», поэтому Рене пришлось немного пройти, прежде чем она увидела Батча. Он стоял в дальнем углу, размахивая руками, словно жертва кораблекрушения, за ворот его рубашки была заткнута салфетка, а на подбородке красовалось пятно соуса барбекю. Пробираясь между столиками, вокруг которых сидели голодные едоки, она старалась ничем не показать своего разочарования. Вероятно, и для него разведенка с тремя детьми – это не самый лучший вариант, сказала она себе. Возможно, под этим слоем жира и лысиной Батч замечательный человек.

– Должно быть, вы Рене, – сказал он, выдернув салфетку из-под ворота рубашки.

– Да, это я, – ответила она с храброй улыбкой.

Она протянула руку для рукопожатия, но Батч неожиданно дернул ее к себе и поцеловал в губы.

– Когда целуешь женщину в первый раз, всегда получается неуклюже, – в порядке пояснения сказал он. – Поэтому с первыми поцелуями я всегда предпочитаю разделаться побыстрее. Но вы не берите в голову – я потом не рассказываю об этом никому.

Рене стояла, потрясенная, оглушенная, вытирая жир с губ. Может быть, сразу повернуться и уйти? Господи, да она же только что пришла.

Ладно. Один неверный шаг, и ты уже готова сбросить мужчину со счетов? Успокойся, дай ему шанс.

Батч бочком вернулся на свое место и махнул салфеткой в сторону стула, стоящего напротив.

– Проходи и садись. Надеюсь, ты не против, что я начал есть закуски. Ведь я дожидаясь тебя уже давно.

Рене кивнула и села. *И кто теперь выглядит жалким?*

Подошла официантка и записала их заказ. Отметив про себя, что она слишком долго мешкала, Рене заказала себе первое попавшееся ей на глаза блюдо, в названии которого имелось слово «курица», после чего Батч, не удовольствовавшись корзинкой картошки фри и жареными во фритюре свиными ножками, которые он только что съел, заказал сегодняшний дежурный ужин «Буббы»: шесть свиных ребрышек, карнитас, жареные кукурузные початки, салат из свежей капусты, зелень с сыром и бобами и еще порцию кукурузных оладий. Положив на стол запечатанное в пластик меню, Рене подумала, что ей нужно срочно вспомнить в деталях, как проводить восстановление сердечной деятельности и дыхания.

– Итак, – сказал Батч, складывая руки на столе, – Уэндел твой папа.

– Ну да, – ответила она, пытаясь совместить это ласковое слово с образом своего сварливого отца. – Кажется, мой отец и твой дядя...

– Енох. Как в Ветхом Завете. Он брехун.

– Ага. – Она кивнула. – Как бы то ни было, они думают, что мы двое могли бы хорошо провести этот вечер вместе. Поскольку мы оба одиноки.

Батч перегнулся через стол и сощурил глаза.

– Могу я задать тебе вопрос личного характера?

Рене пожала плечами.

– Конечно, можешь.

– Что у тебя с волосами?

Она подняла руку и осторожно потрогала свою прическу.

– А что? Они что, где-то торчат?

– Нет, я не об этом. Почему они розовые? – Он ткнул пальцем. – Вот здесь, спереди.

– Ты говоришь о моей челке?

– Ага. Я никогда такого раньше не видел. Ты сделала это нарочно?

Рене сделала глубокий вдох, чувствуя, что ей становится все труднее и труднее улыбаться.

– А что? Тебя это напрягает?

– Думаю, нет, но, в общем-то, я предпочитаю, чтобы волосы у моих девушек были естественного цвета. – Он плотоядно усмехнулся. – На всех местах, если ты понимаешь, что я имею в виду.

– А, – сказала Рене, беря в руку бокал с водой. – Спасибо, что сказал мне.

Она сделала глоток и огляделась по сторонам. Хоть бы поскорее подали ужин.

Когда еду наконец принесли, дела пошли значительно лучше.

Курица, которую заказала Рене, оказалась нежной, как раз в меру подкопченной, капуста и горох были великолепны, а кукуруза, жаренная в початках, была ничуть не похожа на то уродство в кляре, которое она боялась увидеть. Что еще лучше, пока у него был набит рот, Батч оставался довольно терпимым собеседником. Их свидание вслепую, конечно, было не самым лучшим вечером в ее жизни, но оно явно не было и самым худшим. Пока они дожидались десерта, Рене решила, что, возможно, даже захочет увидеть Батча еще раз.

– Стало быть, у тебя трое детей, – сказал он, вытирая рот.

Рене кивнула, стараясь сохранять спокойствие. Ну, все, началось, подумала она. Она смущалась, оказываясь на свидании с парнем, даже когда была еще молодой девушкой, теперь же, когда она стала матерью-одиночкой, это было и вовсе ужасно. Зажечь романтическое пламя между двумя уже пожившими людьми и без того нелегко, а если при этом еще и говорить об имеющихся у нее трех детях, это все равно что набрасывать на его язычки мокрую тряпку.

– Да, – сказала она. – Дилан, МакКенна и Киран.

Батч нахмурился.

– Сколько им лет?

Рене откинулась на спинку стула. Поведение Батча внезапно стало деловитым, его вопросы теперь были короткими и бьющими точно в цель. У нее было такое ощущение, словно их свидание вдруг превратилось в собеседование при приеме на работу.

– Ну, – начала она, – Дилану семнадцать, и он учится в старшем классе Болингброкской средней школы, а МакКенне тринадцать, и она такая же, как большинство тринадцатилетних подростков, если ты понимаешь, что я имею в виду.

Рене тихо рассмеялась, надеясь немного разрядить обстановку.

– А Киран – мой малыш. Ему девять.

Батч опять нахмурился.

– Это тот, у которого проблемы?

Этот вопрос удивил ее.

– Что?

– Дядя Енох сказал мне, что этот малый корчит странные рожи и что у него «трудности» в школе, – сказал он, своими толстыми пальцами изображая в воздухе кавычки. – У него что, не все дома?

Подошла официантка, но Рене взмахом руки отослала ее прочь.

– По-моему, это не твое дело.

– Если ты рассчитываешь увидеть меня снова, то очень даже мое.

Батч взял в руку зубочистку и ткнул ею в ее сторону.

– Большинство матерей-одиночек балуют своих сыновей, так что из них вырастает черт-те что. Мальчикам нужно, чтобы рядом был мужчина, который держал бы их в узде.

Рене заморгала. Хотя сердце ее билось часто и гулко, она чувствовала себя до странности спокойной.

– Если хочешь знать мое мнение, – продолжал он, – несколько крепких шлепков по попе выбили бы из твоего парнишки всю дурь. А если ты и дальше будешь с ним сюсюкать и называть его своим малышом, то только усугубишь проблему.

– Ты правда так думаешь? – удивилась Рене.

– Да, я так думаю.

– Что ж, – сказала она, – а я думаю, что мне пора идти.

Она встала и надела пальто.

– Ой, да брось ты. Не ершись. Сядь.

Посетители, сидящие за столиками справа и слева, вытягивали шеи, прислушиваясь к их разговору. Рене облизнула губы и постаралась говорить как можно спокойнее:

– Нет, я думаю, мне лучше уйти.

Она схватила свою сумочку и повернулась к двери.

– Неудивительно, что твой муж тебя бросил, – глумливо сказал Батч. – Тебе не нужен настоящий мужик. Ты ищешь просто источник дохода!

Рене сжалась – головы всех посетителей ресторана повернулись к ним. Стараясь сохранить максимум достоинства, она сделала глубокий вдох и двинулась к двери.

– Иди, иди, – крикнул ей вслед Батч. – Мне это по барабану. Я и пошел-то на свидание с тобой только для того, чтобы сделать одолжение твоему папаше.

Глава 3

В Доме красоты Вайноны понедельник был самым неурожайным днем, поэтому все парикмахеры, у которых были свои собственные группы клиенток, старались не приходить на работу в этот день. На женщинах, являвшихся без записи, и на тех, которые пользовались услугами салона редко, карьеру не построишь, к тому же они по большей части давали мало чаевых. Однако если ты в салоне новенькая, ты не можешь позволить себе выбирать, а кроме того, Рене надеялась, что сможет уговорить некоторых из тех, кто приходил без записи, случайно, начать пользоваться услугами Дома красоты регулярно и при этом просить, чтобы их обслужила именно она. Начинать все сначала в новом городе нелегко, но она была полна решимости преуспеть.

Когда Рене и ее семья перебрались из Кэмдена в Болингброк, Южная Каролина, ей пришлось столкнуться с совершенно другой системой ценностей и взглядов на мир. Пробыться в ту или иную уже сформировавшуюся социальную группу оказалось трудно, и примут ли ее другие в свой круг, зависело от различий между нею и ними, пусть даже ей самой эти различия казались несущественными. Так, свойственная Рене манера одеваться – яркие цвета и короткие юбки – здесь считалась необычной для женщины тридцати восьми лет, и Батч был не единственным, кто считал ее розовую челку странной. И все же Вайнона была довольна работой Рене, и журналы записей к ней на прием заполнялись быстро – главным образом благодаря рекомендациям самой влиятельной клиентки салона Саванны Хейс.

Сегодня утром Саванна была в салоне, она сидела, положив ноги на журнальный столик и ожидая, когда подсохнет ее педикюр. Популярный дизайнер интерьеров и завзятая сплетница, Саванна была зеленоглазой брюнеткой с превосходной фигурой и чувственным лицом кинозвезды тех времен, когда Голливуд переживал свою золотую эру. Она была одной из первых клиенток, которых Рене обслужила в салоне красоты, и ее неумеренные комплименты искусству «новой девушки» были настоящим даром небес. Рене высоко ценила ее благосклонность и старалась ни в коем случае не навлечь на себя ее гнев, потому что в устах Саванны даже самая легкая критика звучала как приговор.

Сегодня объектом, на который Саванна обрушивала свое презрение, была женщина, нанявшая ее, чтобы обставить и оформить свой дом в Индиан-Лэнд, фешенебельном районе в графстве Ланкастер. По рассказам Саванны выходило, что у этой женщины больше денег, чем вкуса, и что она полна решимости потратить все эти деньги до единого цента на то, чтобы сделать свой дом таким же унылым и однообразным, как клиника для душевнобольных. Рене, в кресле которой сидела новая клиентка по имени Дебби, была занята ее волосами, но, как и любая другая женщина в салоне, не могла не слушать, что говорит Саванна.

– Я вовсе не собираюсь никого критиковать, – громко объявила Саванна, не обращаясь ни к кому конкретно, – но даже у пластикового контейнера с йогуртом интеллигентности будет побольше, чем у нее. Я провела эту женщину по всему нашему демонстрационному залу – ну, знаете, для того чтобы понять, чего именно ей бы хотелось – и уверяю вас, стоило нам только увидеть что-нибудь интересное, как эта богачка, ей-богу, тут же воротила от этого нос.

Чувствуя на себе понимающие взгляды и слыша несущиеся со всех сторон неодобрительные реплики, Саванна наконец нанесла решающий удар.

– Куда, спрашивается, она, по ее мнению, пришла – в «Икею»?

Рене, завершавшая работу над прической Дебби, почувствовала, что краснеет. Да что плохого в «Икее»? Большая часть ее собственной мебели была куплена в этом шведском магазине. Мысленно поклявшись, что Саванна никогда не переступит порог ее дома, она схватила с полки баллончик лака для волос и сбрызнула им прическу своей клиентки.

– Все, – сказала она. – Готово!

Рене вручила Дебби зеркальце и повернула ее кресло, чтобы она могла посмотреть, как ее новая прическа выглядит сзади.

– Ну, как, нравится?

Глаза Дебби заблестели, щеки залились радостным румянцем.

– Да это просто прекрасно! Саванна права – вы и впрямь можете сотворить чудо из самых проблемных волос!

Рене скромно улыбнулась и сняла с Дебби пенюар. Дебби Краудер вошла сегодня в салон, настороженная, как полевая мышь, и ее тонкие пепельно-русые волосы были подстрижены и уложены так, что не подчеркивали, а, наоборот, скрывали ее лицо в форме сердца и красивые серо-голубые глаза. Уговорить ее поменять прическу было нелегко, но Рене всегда нравились трудные задачи. Как приятно было видеть, как сверкают глаза Дебби!

– Ваши волосы совсем не проблемные, – сказала она. – Вам просто надо было постричь их по-другому и, может быть, – она на мгновение заколебалась, – вам нужны более качественные средства для ухода за ними.

Эта часть работы нравилась Рене меньше всего – необходимость продавать клиенткам средства для волос. Разумеется, их салон предлагал их тоже. Продажа высококачественных и дорогих брендов была очень выгодна как для салона, так и для парикмахеров, которые получали свою комиссию за каждую проданную единицу такого средства. И все же эти финансовые стимулы смущали совесть Рене. С тех пор, как она развелась, ее финансовое состояние было неустойчивым, и когда счета начинали накапливаться, а поступление чеков с пособиями на детей запаздывало, ей было трудно с уверенностью сказать, на чем базируются рекомендации тех или иных средств для волос, которые она дает своим клиенткам: на их нуждах или на ее собственных.

– Знаете, Рене, все получилось просто идеально. Сколько я вам должна?

Рене почувствовала укол досады, когда назвала цену, которую салон Вайноны взимал за стандартную стрижку и сушку. Для здешних мест эта цена была низкой, и она составляла всего лишь треть от того, что парикмахер зарабатывал в Кэмдене. Правда, стоимость жизни в Болингброке была ниже, чем на севере, но после того, как свою долю забирала Вайнона, Рене в основном приходилось полагаться на чаевые, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

– Что ж, оно того стоило, – сказала Дебби, доставая из сумочки бумажник.

Она протянула Рене именно столько, сколько стоила ее стрижка, затем вынула из бумажника еще два доллара.

– А это вам лично.

Но когда она протянула деньги Рене, откуда ни возьмись появилась рука Саванны и стукнула по пальцам Дебби.

– Что это ты задумала?

Дебби отпрянула, все еще сжимая два доллара.

– Я же говорила тебе, – сказала Саванна, – раз я послала тебя к ней лично, в чаевых нет нужды. Да если подсчитать всех тех клиенток, которым я ее рекомендовала, Рене должно быть стыдно брать у тебя честно заработанные тобою деньги в качестве чаевых. – Она грозно улыбнулась, повернувшись к Рене: – Верно, дорогуша?

Рене сглотнула, разрываясь между желанием раз и навсегда расставить все точки над *i* и боязнью потерять благосклонность Саванны. Та и впрямь порекомендовала ее многим клиентам, большая часть которых, когда Саванны не было рядом, давали ей щедрые чаевые, к тому же, если понадобится, она и Дебби смогут уладить этот вопрос позднее. Как бы то ни было, нет смысла спорить из-за двух баксов.

– Разумеется, – сказала Рене. – Саванна была ко мне очень добра.

– Вот именно, – промурлыкала Саванна. – А если тебе все равно хочется потратить эти два доллара на пустяки, Дебора Джин Краудер, ты можешь купить мне один из этих гигантских

леденцов, которые продают в супермаркете «Пигли-Вигли». Деньги, вырученные за них, идут на благотворительность.

Кладя деньги обратно в бумажник, Дебби понуро сгорбила плечи и опустила свои серо-голубые глаза. Рене почувствовала, как ее губы непроизвольно сжались. Потеря своих законных чаевых расстроила ее куда меньше, чем то воздействие, которое бесцеремонность Саванны оказала на ее клиентку. Вся уверенность в себе и все приподнятое настроение, которые подарила Дебби ее новая прическа, мгновенно сошли на нет от выговора, сделанного ей Саванной. Когда они обе вышли из салона, Рене глубоко вздохнула и попыталась заставить свое колотящееся сердце биться медленнее. Когда-нибудь, подумала она, Саванна зайдет слишком далеко, и она уже не сможет смолчать. А пока что остается надеяться, что, когда этот день придет, ее финансовое положение будет не таким аховым, как сейчас.

Подшло время обеда, и Рене надо было подмести остриженные волосы с пола, прежде чем уходить на перерыв. Она подняла прядь тонких темно-русых волос Дебби и положила ее в маленький пластиковый пакетик, затем замела остальные волосы в совок и выбросила их, а пакетик положила в карман. У нее было двадцать минут, чтобы проглотить свой обед и приготовиться к обслуживанию следующей клиентки.

В комнате отдыха племянница Вайноны, Сисси, вынимала из сушки пачку полотенец.

– Привет, Ренни. Как дела?

Рене отвернулась, чтобы Сисси не увидела ее невеселой улыбки, и начала искать в холодильнике свой пластиковый контейнер с едой. Сисси коверкала ее имя уже так давно, что она перестала ее исправлять.

– Хорошо, – ответила она, доставая со второй полки голубую пластиковую коробку.

– Я слышала, что Саванна сказала насчет твоих чаевых. Как некрасиво с ее стороны.

– Да ладно, ничего, – ответила Рене. – Все образуется.

Она приподняла один угол крышки контейнера, поставила его в микроволновку и нажала на кнопку разогрева.

Сисси вывалила охапку полотенец в корзину для белья и поставила ее рядом со столом.

– Ты не против, если я буду класть сложенные полотенца на стол?

– Нет, не буду, так что давай, клади. Мне не нужно много места.

– Так я и думала, – сказала девушка, кладя на столешницу первое сложенное полотенце.

Когда зазвонил таймер, Рене взяла вилку и начала перемешивать еду в своем контейнере.

Сисси вскинула одну бровь.

– Что у тебя там?

Рене подцепила вилкой кусочек еды.

– Остатки, – сказала она.

– Похоже на блевотину. Ой, я не хотела тебя обидеть.

Рене покачала головой. Сисси была славной девушкой, но тот фильтр, который не позволяет большинству людей ляпать первое, что приходит им в голову, отсутствовал у нее совсем.

– По правде сказать, это мешанина из остатков трех разных трапез, – сказала Рене. – Думаю, мои дети согласились бы с твоей оценкой.

Гора полотенец стала такой высокой, что грозила упасть. Сисси отодвинула ее в сторону и начала складывать еще одну.

– Как твои дети?

– Хорошо. – Рене сделала глоток диетической кока-колы. – Тренер Дилана считает, что ему предложат футбольную стипендию в университете Клемсон.

– Ух ты!

– А у МакКенны появились хорошие подружки, с которыми она проводит время после школы.

– А как дела у твоего младшенького, Кирана?

Рене сглотнула. Как дела у Кирана, ее умненького, но проблемного малыша?

– У него все в порядке, – сказала она. – После работы у меня будет встреча с его учительницей. Может быть, тогда я узнаю больше.

Сисси встряхнула еще одно полотенце.

– Я читала, что то, что дети едят, может повлиять на их поведение. От фастфуда они могут того, сбрендить.

Рене не отрывала глаз от еды в пластиковом контейнере. Намерения у Сисси были самые благие, но она, Рене, не хотела говорить на эту тему. Она знала, что ее сын не такой, как другие, но, если вдуматься, все дети немного странные. Это всего лишь этап развития личности, только и всего. Он перерастет свои странности, как он вырос из коротких штанишек и избавился от привычки сосать палец.

– Да, – сказала она. – Я тоже об этом читала.

В течение нескольких минут в комнате для отдыха слышались только хлопки встряхиваемых полотенец. Затем Сисси сказала:

– Как прошло твое свидание вслепую? Этот чувак и впрямь был такой милый, как говорил твой отец?

Рене покачала головой.

– Думаю, у меня с отцом разные представления о том, какие мужчины могут меня заинтересовать, – ответила она, опять переживая то унижение, которое ей пришлось испытать вечером в пятницу.

Рене сглотнула, чувствуя, как у нее сводит желудок при мысли о последних ужасных минутах ее свидания с Батчем.

«Несколько крепких шлепков по попе выбили бы из этого твоего парнишки всю его дурь».

Как будто лицевые тики Кирана – это просто способ привлечь внимание! Рене стиснула зубы, невольно злясь на Сисси за то, что та напомнила ей об этом ужасном вечере.

– Жаль, – вздохнула Сисси. – Я была бы не прочь, если бы мой отец помог мне найти подходящего парня.

– Поверь мне, – сказала Рене, вставая из-за стола, – перспектива такой помощи только кажется привлекательной.

Она вымыла свой пластиковый контейнер в раковине и надела чистый передник.

– Ах да, – сказала Сисси. – Чуть не забыла...

Она подошла к своему шкафчику и достала оттуда небольшой бумажный пакет.

– Я собрала их для тебя.

Рене открыла пакет и увидела внутри пластиковые пакетики с волосами. Она подняла глаза и улыбнулась.

– Спасибо, Сисси. Уверена, Киран будет рад.

– Нет проблем. Просто, хм, скажи ему, чтобы никому не говорил, откуда он их взял, ладно?

– Не беспокойся. Я ему напомню.

Она сунула руку в карман и достала мобильный телефон.

Сисси нахмурилась.

– Что ты делаешь?

– Посылаю сообщение отцу, – ответила Рене, идя к двери. – Хочу напомнить ему, что сегодня я опоздаю к ужину.

– Везет же тебе. Мой отец скорее уморил бы нас всех голодом, чем приготовил что-нибудь поесть.

Рене положила телефон в карман и пошла к своему рабочему месту. Сисси права, подумала она. Ей повезло, что ей помогает отец. Правда, это палка о двух концах.

Глава 4

Киран сидел возле двери кабинета директора школы, болтая ногами, не достающими до пола, и ожидая разговора со школьным социальным педагогом. Его учительница, миссис Дэлтон, велела ему встретиться с этой дамой в кабинете директора, а потом, сказала она, они с его мамой поговорят об этой встрече, но при этом миссис Дэлтон не объяснила, что именно случится, когда он зайдет в кабинет. Интересно, эта дама, школьный социальный педагог, она хорошая? Придется ли ему писать какой-нибудь тест? Он надеялся, что разговор с ней займет не слишком много времени. Скоро придет время обеда, и ему совсем не хочется опять встречаться с Коуди.

Мальчик сунул правую руку в карман и погладил пальцами клочок собачьей шерсти, который он достал из своей коллекции волос. Когда он теребил жесткие шерстинки, это было как волшебство – ему становилось так же спокойно, как когда он был рядом с тем псом. Как жалко, что собака убежала. Если бы он последовал за ним домой, может быть, мама разрешила бы ему оставить этого пса у себя. Тогда ему было бы с кем играть после школы, вместо того чтобы просто торчать в одиночестве в своей комнате.

Киран закрыл глаза и стал теребить шерсть еще энергичнее. Хоть бы мама разрешила ему пойти из школы домой пешком, чтобы он мог посмотреть, там ли еще этот пес. Если он окажется на том же месте, может быть, они смогут вместе поиграть во что-нибудь интересное, например, сделать вид, что они пираты, или построить форт. Он открыл глаза и печально вздохнул. А если пес пойдет с ним, то, возможно, мама все-таки разрешит ему оставить его у себя.

Дверь кабинета директора отворилась, и оттуда вышла женщина в голубом платье.

– Привет, – сказала она. – Ты Киран?

Он кивнул.

– Я доктор Джоан. Давай зайдем в кабинет и поговорим.

Киран вынул руку из кармана и вслед за ней зашел в кабинет.

Перед письменным столом директора стояли два кожаных кресла – на том, что было слева, лежала желтая бумажная папка, а сиденье того, что было справа, оставалось пустым. Доктор Джоан убрала папку и села. Киран сел во второе кресло и огляделся по сторонам. Он никогда еще не был в кабинете директора, но знал нескольких ребят, которым довелось тут побывать. Они рассказывали на игровой площадке о том, что с ними тут приключилось, и в этих рассказах не было ничего хорошего.

– Итак, – сказала она, – как у тебя сегодня дела?

– Наверное, хорошо.

– Ты знаешь, зачем ты здесь?

Он покачал головой.

Социальный педагог нахмурилась, заглянула в папку, что-то пробормотала и отложила ее в сторону.

– Киран, миссис Дэлтон сказала мне, что тебе нравится считать свои шаги, когда ты ходишь по школе. Это правда?

Он заерзал на своем кресле.

– Если честно, мне это не нравится.

– Но ты их считаешь, потому что тебе это нужно?

Мальчик мгновение смотрел на нее молча, потом медленно кивнул.

– Поэтому ты и строишь иногда рожи или кашляешь, хотя ты и не простужен?

Киран слотнул. Никто никогда еще не спрашивал, почему он это делает, все просто говорили ему, чтобы он перестал. Он опять кивнул.

– А как ты себя чувствуешь, когда считаешь шаги или строишь рожи?

Он понурил голову.

– Плохо.

Доктор Джоан наморщила лоб.

– Плохо, как когда у тебя болит живот, или плохо, как будто ты плохой человек?

– Просто плохо. – Киран отвел глаза. – Люди насмеваются надо мной. Говорят, что я чокнутый урод.

– Так тебя называют все или только некоторые?

Киран опять заерзал – он не знал, что сказать. Если он скажет ей, что так его обзывает Коуди Дэниелс, она расскажет об этом директору? Ему и так плохо в школе, и он совсем не хочет, чтобы все стало еще хуже. Он покачал головой:

– Некоторые. Я не помню кто.

Она кивнула:

– Значит, некоторые дети в школе насмеются над тобой, а некоторые нет.

– Наверное.

– И это тебя напрягает?

Он устремил на социального педагога испытующий взгляд. Она что, тоже насмеется над ним, что ли? Нет, решил Киран. Просто взрослым нравится задавать глупые вопросы, такие, как этот. Он кивнул.

Доктор Джоан опять открыла папку и начала что-то писать. Ожидая, когда она закончит, Киран продолжал рассматривать кабинет. У стены в стеклянной витрине стояли спортивные кубки, на полке лежал футбольный шлем, а на нем стояла фигурка тигра с качающейся головой. Киран заметил, что по полу что-то движется – это была ярко-красная божья коровка, она ползла под столом директора. Миссис Дэлтон рассказывала, что когда-то люди любили божьих коровок, потому что они симпатичные и питаются тем, что больше никто не ест, но теперь их считают просто вредителями.

Социальный педагог подняла глаза, держа ручку наготове.

– У меня есть к тебе еще несколько вопросов, а потом ты можешь идти. Хорошо?

Он пожал плечами.

– Ага. Ладно.

– Когда ты впервые начал считать, строить рожи и издавать странные звуки?

– Не знаю.

– Это началось, когда ты жил в своем прежнем доме, или после того, как ты переехал в Болингброк?

– В прежнем доме.

– И сколько, по-твоему, ты считаешь, ну, в среднем?

Киран нахмурился.

– То есть докуда?

– Нет, я хочу сказать, как часто ты чувствуешь потребность начинать счет? Как ты думаешь, ты делаешь это каждый день или пару раз в неделю?

– Наверное, каждый день.

– Чаше, чем один раз в день?

– Ага.

– Чаше, чем пять или шесть раз в день?

Киран облизнул губы. Он никогда не замечал, сколько раз в день он начинал считать или морщил нос, или издавал странные звуки. Иногда он даже не сознавал, что делает это, пока кто-нибудь не говорил ему, чтобы он прекратил. Чаше всего он просто надеялся, что это пройдет само собой, а когда это и впрямь проходило, старался об этом забыть. Он покачал головой.

– Может быть, – сказал он. – Я точно не знаю.

– Ты когда-нибудь начинал мыть руки, а потом вдруг осознавал, что не можешь остановиться?

Киран потер руки одна о другую.

– Нет. – Он сделал паузу. – Может быть.

Доктор Джоан сделала еще какую-то запись в своей папке.

– А как насчет открывания и закрывания дверей?

Киран ощутил укол страха. Он почти чувствовал, как он открывает и закрывает дверь, опять и опять...

– Нет. – Он покачал головой. – Я этого не делаю.

Она кивнула:

– Хорошо, тогда давай вернемся к счету. Отчего именно тебе хочется считать?

– Я вовсе не хочу этого делать. Мне просто нужно это делать.

– Да, конечно, – сказала она. – Прости. Мне следовало выразиться иначе: есть ли что-нибудь такое, что заставляет тебя испытывать потребность что-то считать?

Он пожал плечами, думая о том, как он считал шаги по дороге к этому кабинету.

– Наверное, это случается, когда я нервничаю. Или боюсь.

Как сейчас.

Мальчик ощутил что-то вроде щекотки внутри своей щеки; у него всегда бывало такое ощущение перед тем, как он строил рожу. Доктор Джоан опять что-то писала в своей папке. Киран попытался стереть со щеки ощущение щекотки, надеясь, что она ничего не заметит.

Она подняла глаза и улыбнулась.

– А тебе бы хотелось перестать делать то, из-за чего люди над тобой смеются?

Киран кивнул опять.

– Что ж, это хорошо, – сказала доктор Джоан. – Думаю, я могу тебе помочь. Ты бы этого хотел?

– Да, мэм.

– Хорошо. Сегодня вечером миссис Дэлтон поговорит обо всем этом с твоей матерью. Если она согласится, мы внесем твое имя в список, и я пошлю твоим родителям бланк разрешения на работу с тобой, чтобы они его подписали.

– Не родителям, а только моей маме, – сказал Киран.

– А, ну, хорошо. Значит, я пошлю его твоей маме.

Он взглянул на дверь.

– А теперь можно я пойду?

– Подожди еще минутку. – Доктор Джоан закрыла свою папку. – А когда ты чувствуешь, что тебе нужно считать или строить рожи, есть ли что-нибудь, что помогает тебе перестать? Можешь ли ты подумать о чем-то таком или сделать что-то такое, отчего плохое чувство уходит?

Киран обдумал вопрос.

– Иногда я думаю о том, что говорит мне мой дедушка.

– А что именно он тебе говорит?

– Ну, если я пугаюсь из-за того, что сбился со счета, он напоминает мне, что это не страшно и можно начать сначала.

– Как мило. – Она улыбнулась. – Хорошо иметь такого дедушку.

– А когда у меня плохо прошел день в школе, он говорит: «Не давай этим маленьким засранцам доставать тебя».

– Понятно. – Доктор Джоан откашлялась. – А есть ли что-нибудь еще, что тебе помогает? Что-нибудь, кроме того, что тебе говорит твой дед?

– Когда я разговаривал с тем псом... – Он сунул руку в карман. – Когда я говорил с ним, я забыл и о счете, и о гримасах. Это было здорово.

– Еще бы, – сказала она. – Я рада, что у тебя есть собака, с которой ты можешь говорить. Собаки могут особенно хорошо помогать детям справляться со своими тревогами и страхами.

Она закрыла папку и встала.

– Ну, думаю, на сегодня у меня больше не осталось к тебе вопросов, Киран. Спасибо, что зашел и поговорил со мной. А теперь беги в свой класс; вот-вот должен прозвучать звонок на обед.

Киран словно в трансе пошел в класс. Доктор Джоан сказала, что собака могла бы помочь ему перестать считать и строить рожи. Когда это услышит его мама, ей придется разрешить ему завести собаку, что, разве не так? А когда она даст свое разрешение, он будет точно знать, какую именно собаку он хочет иметь. Киран с трудом мог поверить, что ему так повезло.

Зазвенел звонок к обеду, все двери в коридор разом распахнулись, и из классов повалили голодные ученики и бросились в сторону кафетерия. Киран начал пробираться сквозь толпу, которая мчалась навстречу ему, как приливная волна. Вот что бывает, когда грезишь наяву, сказал он себе. Почему, почему он позволил себе замкнуться?

Войдя в свой класс, Киран схватил из своего портфеля коричневый бумажный пакет с обедом и поспешил выйти в коридор. Двигаясь обратно в сторону кафетерия, он опустил голову, всей душой желая сделаться невидимым.

Он почти дошел до кафетерия, когда за его спиной громко хлопнула дверь и коридор наполнили звуки угрожающего смеха. Младших детей, идущих на обед, растолкали в стороны мальчишки из шестого класса, гурьбой вывалившиеся из своего класса, пихая друг друга и грубя девочкам.

Услышав пронзительные крики, явно издаваемые Коуди, Киран зашагал быстрее. Он уже почти дошел до шкафчиков для одежды; еще несколько футов, и он подойдет туда, где его будут видеть сотрудники школы, наблюдающие за соблюдением дисциплины в кафетерии во время обеденного перерыва. Только бы ему удалось не попасться в лапы Коуди еще несколько секунд...

– Прочь с дороги, чокнутый урод!

Киран почувствовал, как рука Коуди хватается его за плечо, с силой толкает, и вот он уже врезается в металлическую дверцу шкафчика для одежды, и слышит ее лязг. Киран пошатнулся, выронил свой обед, и ему осталось только беспомощно наблюдать, как Коуди и его дружки растаптывают его в кашу.

Глава 5

Рене жевала таблетку антацида, сидя в коридоре у двери в класс Кирана и ожидая, когда его учительница, миссис Дэлтон, пригласит ее войти. Эта встреча будет дополнением к регулярным беседам между учителем и одним из родителей, которые проводились два раза в год, и то, что Рене проглотила свой ужин наспех, почти не жуя, отнюдь не помогло ей успокоить ни ее бунтующий желудок, ни расхолодившиеся нервы. Неужели у Кирана опять неприятности?

Она слышала голоса, доносящиеся из-за закрытой двери класса, но не могла разобрать слов. Это было хорошо. Нет ничего хуже, чем копаться в своем грязном белье на людях. Если у миссис Дэлтон действительно есть проблемы с Кираном, Рене предпочитала, чтобы учительница рассказала ей об этом наедине. Ему и так пришлось несладко в его старой школе. Ей совершенно не хотелось, чтобы и здесь, в Болингброке, люди ополчились против ее сына, не дав ему ни единого шанса доказать, что он совсем не плохой.

Рене посмотрела на обрезки волос, прилипшие к ее юбке, и смахнула их вниз, но они тут же осели на ее легинсах. Она невесело покачала головой. Это показалось ей точным отражением самой сути ее жизни: всякий раз, стоило ей подумать, что какая-то ее проблема решена, как эта проблема просто выскакивала в другом месте.

Ее внимание привлек стук каблуков сапог по бетонному полу. В ее сторону шел высокий мужчина с проседью в волосах, и топот его ковбойских сапог гулко отдавался от голых стен коридора. В своей классической рубашке, галстук в виде шнурка с орнаментальным зажимом, куртке и джинсах «Ливайс» он был немного похож на ковбоя «Мальборо» – для полноты картины ему не хватало только ковбойской шляпы.

Их взгляды встретились, и он ответил на ее улыбку.

– Вы кого-то ждете? – спросил он.

Она ткнула большим пальцем в сторону двери, находящейся за ее плечом:

– Я ожидаю беседы с учительницей моего сына. А вы?

– Убиваю время в ожидании друга. – Он показал на стул, стоящий рядом с ней: – Вы не против, если я сяду?

– Конечно нет, не стесняйтесь.

Садясь, мужчина сделал вид, что вежливо снимает несуществующую шляпу, подтвердив тем самым догадку Рене. Это открытие пробудило в ней любопытство. Скотоводство было лишь малой частью экономики Болингброка, так что скорее всего этот ковбойский прикид надет просто для понта, и этот мужчина приехал сюда недавно, как и она сама.

– Так вы здесь ради беседы с учительницей? Вы выглядите слишком молодо для женщины, у которой уже есть ребенок школьного возраста.

Услышав эту неуклюжую лесть, Рене покачала головой.

– Я уже довольно старая, – сказала она. – И у меня не один ребенок, а целых трое.

– Хм. Может быть, все дело в ваших волосах. – Он показал на ее челку. – Мне нравится розовый цвет.

Она подняла руку и смущенно коснулась своей челки.

– Я парикмахер. Так что это издержки профессии.

– Что ж, вам идет, – сказал мужчина. – Может быть, с розовыми волосами и я бы смотрелся лучше.

Рене подняла одну бровь.

– Вы просто смеетесь надо мной.

– Совсем нет. Просто, по правде сказать, я был бы совсем не прочь немного поднять себе настроение. Но куда же подевались мои манеры? – Он протянул ей руку. – Меня зовут Трэвис Дил.

Рене пожала его руку и ощутила, что кожа на его руках довольно грубая.

Кто знает? – подумала она. – *Может, он и правда ковбой?*

– Рене Ричардсон, – сказала она. – Рада с вами познакомиться.

– Я тоже, – ответил Трэвис, вытягивая ноги вперед.

Рене стяхнула с юбки оставшиеся на ней волосы и заметила, что он взглянул на ее левую руку. Может быть, он проверял, есть ли на ней обручальное кольцо? У него такого кольца не было. Она прикусила губу, затрепетав, как девчонка, от мысли, что этот красивый мужчина может находить ее привлекательной.

– Стало быть, у вас трое детей, – сказал он. – И они все учатся в этой школе?

– Нет, только младший. Мой второй сын учится в старшей школе, а дочь – в средней.

– Выходит, у вас два мальчика и одна девочка?

– Да.

– Повезло вам. В нашей семье нас, детей, было только двое – я и мой брат. Мне всегда хотелось иметь сестру.

Рене рассмеялась.

– Мне надо будет рассказать об этом моему брату. Может быть, он захочет с вами помяться.

Зачем я это сказала?

Она опустила глаза, чувствуя себя дурой. От этой попытки вести светскую беседу с незнакомым мужчиной она чувствовала себя такой же неуклюжей, как только что родившийся жеребенок. Она посмотрела через плечо на закрытую дверь класса, гадая, когда же появится миссис Дэлтон и ей придется закруглить этот неловкий разговор.

– У вас интересный акцент, – заметил Трэвис. – По-моему, вы не из Болингброка.

Рене покачала головой:

– В августе мы переехали сюда из Кэмдена.

– Да ну? Я бы не узнал в вас девушку из Нью-Джерси, но я в таких делах не специалист. – Он вздохнул. – Кэмден – прекрасный город. Уверен, что вы по нему скучаете.

– Так вы бывали в Кэмдене? – спросила Рене, ощутив укол ностальгии.

– Да, бывал. Я учился в университете неподалеку оттуда.

– Правда? В каком?

– В Принстоне.

Рене сглотнула. Теперь вероятность того, что Трэвис Дил настоящий ковбой, казалась ей стремящейся к нулю.

– Ого, вы закончили Принстонский университет!

– Я поступил туда, получив футбольную стипендию, – сказал он. – Правда, у меня и без того были высокие оценки, так что я мог бы поступить и без нее. А где учились вы?

– Я? – Она рассмеялась. – Я училась в Роуэне. Это было дешево и недалеко от дома.

Несмотря на ее небрежный тон, в его улыбке отразился неподдельный интерес.

– Ведь Роуэн – это педагогический колледж, верно?

– Он был им когда-то. – Она вздохнула. – Нет, я изучала там графическое искусство. Самая бесполезная профессия в мире, что, разве не так?

Трэвис пожал плечами.

– Вовсе нет, если вы любите свое дело. По-моему, без искусства мир был бы весьма невеселым местом.

Он что, шутит? Всем известно, что диплому о высшем образовании в области искусства грош цена. Рене почувствовала желание подначить его, заставить его поднять ее на смех, как это делали другие, включая ее бывшего мужа, из-за этого ее дурацкого выбора специальности.

– Знаете, какие слова говорит обладатель диплома по искусству на своей первой работе? «Подать вам к этому блюду еще и жареной картошки?» – Рене засмеялась. – Поверьте мне, получить такое образование – это было верхом дурости.

– Мне это отнюдь не кажется дуростью. При условии, что вам это нравится.

Рене отвела глаза, чувствуя досаду. Ну, хорошо, может быть, это и не было дуростью, но с ее стороны было верхом непрактичности получить диплом по специальности «искусство». Это же очевидно всем, так почему же этого не понимает он?

Трэвис склонил голову набок, пытаясь заглянуть ей в глаза.

– Насколько я понимаю, вы так и не стали графическим дизайнером?

Рене почувствовала, как один уголок ее губ дрогнул.

– Да нет, стала. Тогда у нас уже родился Дилан, и я работала неполный рабочий день, выполняя заказы магазина гравюр и эстампов. Зарабатывала я немного, но этого хватало, чтобы оплатить кое-какие счета, к тому же работа помогала мне избежать полного заикливания на заботе о малыше и домашних делах.

Вспомнив те годы, она почувствовала грусть. Может быть, если бы она тогда не забеременела, ее жизнь сложилась бы иначе. Тогда они с Грегом смогли бы узнать друг друга получше, прежде чем пожениться. А возможно, они бы не поженились и вовсе. Но она ни о чем не жалела. Если бы она не вышла замуж за Грегга, у нее не было бы детей. Рене точно не стала бы ничего менять, если бы это означало, что они у нее не родятся.

Трэвис смотрел на нее, и вид у него был задумчивый.

– Я очень уважаю своих друзей-художников. Зарабатывать на жизнь с помощью искусства нелегко, и у большинства это не получается. Но если тебе дано творить, то, по-моему, ты просто обязан это делать.

Рене кивнула и отвела взгляд, проглотив комочек в горле.

– А когда вы переквалифицировались в парикмахера? – спросил мужчина.

– Что? После того, как развелась с мужем. Это было частью соглашения о разделе нашего имущества – мой бывший муж согласился оплатить год моей учебы на курсах переквалификации, чтобы я смогла найти работу. И я решила, что смогу быстро обучиться профессии парикмахера, и это даст мне возможность зарабатывать неплохие деньги.

– Наверное, ваше высшее образование в области изобразительного искусства помогло вам освоить эту профессию.

– Да, оно мне помогает, – согласилась Рене. – Но можно было бы обойтись и без него. Большинство девушек, с которыми я работаю в салоне, с трудом закончили среднюю школу.

Трэвис кивнул.

– А почему вы решили переехать сюда?

К чему столько вопросов, подумала она. Однако его интерес к ней казался Рене искренним, и ей по-настоящему нравилось его общество.

– В основном потому, что здесь более низкая стоимость жизни. К тому же в прошлом году умерла моя мать, и отец не знал, чем себя занять. После того, как я развелась, он предложил, чтобы мы все пятеро переехали ближе к моему брату и купили в складчину дом.

– Значит, вы живете здесь с отцом?

Она скорчила гримасу.

– Ужасно, правда?

– Вовсе нет. На самом деле, я считаю, что это здорово. – Трэвис улыбнулся. – И как у вас получается жить вместе?

– Неплохо. Дом, который мы купили, стоит на склоне холма, и на нижнем этаже в задней его части есть отдельный вход, так что папа может входить и выходить через эту дверь, когда ему хочется, а у меня может быть какая-то личная жизнь, если представляется такая возможность. – Она почувствовала, как вспыхнули ее щеки. – Но это случается нечасто.

Рене страхнула с юбки еще несколько волосков, пытаясь придумать какой-нибудь способ сменить тему и перестать говорить с Трэвисом о своей семье. По правде сказать, несмотря на то что они явно принадлежали к разным социальным кругам, ей нравилось беседовать с Трэвисом Дилом. После ужасного свидания с Батчем ей совсем не хотелось отпугнуть этого мужчину разговорами о своих детях. Точнее, о Киране.

Она услышала, как дверь класса Кирана за ее спиной открылась. Оттуда вышли мужчина и женщина и, отводя глаза, заторопились прочь. Рене подняла взгляд и увидела учительницу Кирана – та стояла в дверях и улыбалась.

– Миссис Ричардсон? Вы с мужем можете войти.

– О нет. Он не мой...

Рене повернулась и виновато посмотрела на Трэвиса.

– Простите.

Он покачал головой.

– Перестаньте, все в порядке, – сказал мужчина, махнув рукой в сторону двери. – Идите, Рене. Я и так вас задержал.

Рене встала и вошла в класс.

– Извините, что заставила вас ждать, – сказала миссис Дэлтон, закрывая дверь.

– Что вы, все в порядке, – ответила Рене, садясь на стул.

Было бы лучше, если бы я просидела там еще дольше.

Миссис Дэлтон села напротив нее и достала свою тетрадь для записи баллов успеваемости и поведения учеников.

– Спасибо, что пришли так быстро. Я знаю, мы сейчас все очень заняты из-за приближения каникул, но у нас тут произошло кое-что интересное, об этом я и хочу с вами поговорить.

– Это имеет отношение к Кирану?

– Да.

– У него что, неприятности?

Учительница улыбнулась:

– Нет, вовсе нет. По правде говоря, Киран один из моих самых любимых учеников. Он явно очень способный и ведет себя в классе так хорошо, как только может.

Рене нахмурилась.

– Что вы хотите сказать этим вашим «так хорошо, как только может»?

Миссис Дэлтон покраснела.

– О, я просто хотела сказать... ну, сами понимаете... счет вслух и лицевые тики могут отвлекать от урока других детей. И иногда... в общем... те звуки, которые он издает, хотя они, как правило, и не мешают нашей работе в классе.

– А как насчет его отношений с остальными детьми? Он завел себе каких-нибудь друзей? – спросила Рене.

– О друзьях говорить еще рано. Новому ученику всегда нужно какое-то время, чтобы влиться в коллектив. – Она откашлялась. – Сотрудники школы, следящие за детьми на игровой площадке, сообщают мне, что на перемене Кирана слегка дразнят, но я мало что могу с этим поделать.

Рене сжала руки вместе, вспомнив, как жестоко над Кираном глумились в его прежней школе, вспомнила тех забияк, с родителями которых она схлестнулась, когда ситуация совсем вышла из-под контроля. Ну, почему они не могут просто оставить ее сына в покое?

– Дети бывают так жестоки.

Миссис Дэлтон уклончиво махнула рукой.

– Думаю, у большинства из них просто нет коммуникативных навыков. Они видят, что кто-то ведет себя не так, как они, и поэтому указывают на него пальцем.

Рене глубоко вздохнула и кивнула. Нет смысла спорить с учительницей по поводу детской жестокости. Миссис Дэлтон надо присматривать сразу за многими детьми, так что ей, наверное, легче думать о них хорошо.

– Но если Киран не доставляет вам проблем, то зачем вы попросили меня прийти сюда? Лицо учительницы прояснилось, и она положила руки на письменный стол.

– Наша школа получила в дар сто тысяч долларов, которые мы должны использовать, чтобы помогать таким ученикам, как Киран, ученикам, имеющим нарушения эмоционального плана и обучаемости.

Рене нахмурилась.

– Кто сказал, что у Кирана какие-то нарушения?

– Ну, я думала... Я хочу сказать, что все то, что я вам говорила... – Миссис Дэлтон явно смутилась. – Мне очень жаль, но вам никто никогда не говорил, что у вашего сына может быть невроз навязчивых состояний? Наш социальный педагог сказала мне, что у него налицо все его классические симптомы.

– Что за вздор! – со злостью вскричала Рене. – Он же просто ребенок. Да, он корчит рожи и издает странные звуки и иногда считает вслух, но это еще не значит, что он ненормальный.

Учительница примирительно подняла руку.

– Подождите. Никто не говорит, что Киран ненормальный, – сказала она. – Но если у него все-таки есть нарушение, думаю, вам надо хотя бы рассмотреть возможности, которые предоставляет нам полученное школой пожертвование. Эти деньги позволят нам нанять штатного врача-психиатра, чтобы помогать всем детям, нуждающимся в помощи, до того, как их симптомы достигнут критического состояния.

– Нет. – Рене покачала головой. – Я не позволю навесить на Кирана ярлык. Я видела, как это работает: ребенок немного отличается от других, и что же? – его тут же подсаживают на лекарства, чтобы он не мешал ведению уроков. Я не позволю вам превратить моего сына в зомби просто для того, чтобы вам стало легче работать.

Миссис Дэлтон явно с трудом сдерживала желание вспылить.

– Мне очень жаль, что вы смотрите на это таким образом. По-видимому, я сделала некоторые допущения, которые не должна была делать, и это моя вина. Однако мне хотелось бы уверить вас, что никто не собирается подсаживать вашего сына на лекарства. Средства, пожертвованные нашей школе, должны быть потрачены для того, чтобы помочь таким детям, как Киран, максимально эффективно использовать то время, которые они проводят на учебе в школе, и научиться успешно справляться со своими проблемами в будущем. Вы вовсе не обязаны соглашаться на включение его в эту программу, но я бы настоятельно рекомендовала вам подумать. Чем дольше Киран будет оставаться без квалифицированной помощи, тем труднее ему будет потом.

Рене откинулась на спинку стула и прикрыла глаза рукой. Пожалуй, она давно уже понимала, что с Кираном что-то не так, но она говорила себе, что это временно, что ее сын в конце концов перерастет свои проблемы. Грег относился к ним по-своему: он только и делал, что дразнил Кирана или наказывал его за то, что он считал своеволием и упрямством. Это привнесло еще больше напряжения в их и без того неустойчивый брак, и когда наступил разрыв, он свалил вину за все на младшего сына. Но это была неправда, и они оба это знали. Их отношения все равно бы рухнули, независимо от того, имелось ли дополнительное давление на их брак или нет. Она глубоко вздохнула и опустила голову.

– Извините, – сказала Рене, доставая из сумочки бумажный носовой платок. – Мне не следовало на вас кричать. Просто мне сложно все это принять.

– Конечно. Я понимаю.

Рене вытерла глаза, думая о паре, которая только что вышла от миссис Дэлтон, опустив глаза и торопливо уходя прочь, как будто им не хотелось, чтобы на них смотрели. И еще она

надеялась, что к тому времени, как она выйдет в коридор, Трэвис Дил уже уйдет. Ей совсем не хотелось, чтобы он спрашивал ее, что случилось. Она смяла в кулаке бумажный платок и шмыгнула носом.

– Это жертвоприношение – что оно значит для Кирана? – спросил она.

– Ну, сначала ему надо будет пройти официальное освидетельствование у окружного психолога. Затем она, конечно, захочет побеседовать с вами и вашим мужем, чтобы узнать, какие особенности поведения вы наблюдали у вашего сына дома.

Рене взглянула на дверь.

– Вы же поняли, что мужчина, рядом с которым я сидела в коридоре, не отец Кирана, верно?

– Да, поняла; извините, что поставила вас в неловкое положение. Я знала, что вы и отец Кирана находитесь в разводе, но я подумала, что он, возможно, пришел...

– Грег не приходит никуда, если речь там должна пойти о Киране, – сказала Рене. – К тому же он снова женился, так что, думаю, мой сын никогда больше не увидит своего отца, если только не станет звездой в каком-нибудь виде спорта.

Миссис Дэлтон опустила глаза и посмотрела в свою тетрадь.

– Мне жаль это слышать.

– Тут не о чем жалеть. Нам без него лучше.

Рене заставила себя улыбнуться. Она вовсе не хотела говорить с такой злостью. Эта женщина не виновата в том, что Грег оказался таким никудышным отцом.

– А когда это освидетельствование должно быть проведено? – спросила Рене.

– Это зависит от количества кандидатов на включение в программу помощи, но наш директор хочет, чтобы процесс начался как можно скорее. Окружной психолог обещала найти окна в своем расписании для таких детей, так что, возможно, мы проведем освидетельствование вашего сына уже на первой неделе января.

– А что будет потом?

– Посмотрим, что она ему порекомендует. Если окажется, что у Кирана все-таки есть невроз навязчивых состояний, он будет включен в программу с целью дальнейшего обследования и лечения.

– Но его не посадят на лекарства, да?

Миссис Дэлтон ответила не сразу.

– Насколько я понимаю, эта программа не предусматривает немедленного назначения лекарственной терапии, я уверена, что все будет зависеть от состояния ребенка и от того, как успешно идет психотерапия. Однако ни одного ребенка не будут принуждать принимать лекарства. Если этот вопрос встанет на повестку дня, решение в каждом отдельном случае будут принимать родители.

Рене глубоко вздохнула и попыталась сдержать новый поток слез.

– Что ж, ничего не поделаешь. Спасибо, что рассказали мне, как обстоят дела.

Рене схватила со стола свою сумочку и уже начала вставать со стула, когда миссис Дэлтон вдруг взяла ее за руку.

– Могу я сказать вам еще одну вещь, прежде чем вы уйдете?

Рене невесело рассмеялась и села опять.

– О господи. Вы хотите сказать, что есть что-то еще, чего я не знаю?

– Да, но на сей раз это хорошая новость. – Учительница улыбнулась. – Я понимаю, что сказанное мною стало для вас шоком, и вижу, как это вас беспокоило.

– Это точно.

– Но вы также должны знать, что ваш сын очень умен, и я попросила психолога измерить также и его IQ. Если я не ошибаюсь, он с легкостью пройдет тестирование, чтобы быть включенным в нашу программу для талантливых и одаренных детей.

Рене закрыла глаза и почувствовала, как по щеке ее катится слеза.

– Что ж, – сказала она, – это уже кое-что. Спасибо, что поставили меня в известность.

Температура на улице упала сразу на несколько градусов. Выйдя из здания школы, Рене увидела, что ее дыхание сразу же превращается в белые облачка пара. Когда она покинула класс, Трэвис Дил в коридоре уже не было, не увидела она его и на парковке. Вероятно, это к лучшему, подумала она. Даже если у него возник к ней интерес, этот интерес скорее всего угас бы, стоило бы ему только узнать, зачем она приходила в школу. Кому нужны чужие проблемы?

Рене засунула руки в карманы и торопливо зашагала по парковке к своей машине, грустя о несбывшемся. Трэвис Дил показался ей приятным человеком. Жаль, что она никогда его больше не увидит.

Глава 6

– Хью! Я дома!

Ответа не последовало, но это вовсе не означало, что в доме никого нет; его брат откликнулся не всегда, даже если знает, что его кто-то зовет. Трэвис повесил свою куртку и услышал музыку, доносящуюся из гостиной. Он взял пакет с готовой курицей, которую купил на ужин, и пошел в гостиную, чтобы посмотреть, что делает его брат. Как он и предполагал, Хью играл в «тетрис» на своей игровой приставке.

Он встал между братом и экраном.

– Привет! Я уже дома, – сказал он. – Ты поел?

Хью покачал головой, наклонившись вбок, чтобы снова увидеть экран. Трэвис показал на свои часы.

– У тебя десять минут. Заканчивай свою игру и иди есть.

Трэвис отправился на кухню, поставил на кухонный стол пакет с курицей, затем подошел к двери, чтобы позвать в дом Макса. Ирландский волкодав вбежал в кухню, царапая когтями дощатый пол и радостно виляя хвостом. Трэвис присел, уклоняясь от слюнявых поцелуев огромного пса, и погладил его по спине.

– Надо же, – сказал он, проводя пальцами по жесткой серой шерсти. – Ты что, опять где-то посеял свой ошейник?

Мужчина встал и направился в кладовку, из которой принес Максусу жевательную косточку.

– Ты начинаешь обходиться мне в кругленькую сумму, усек? – сказал он псу, когда Макс поймал в воздухе брошенную ему кость.

Когда Макс убежал, чтобы насладиться своим лакомством, Трэвис накрыл на стол и начал готовить все к предстоящему ужину.

Встреча с Хэнком прошла хорошо. Двенадцать школьников уже были включены в программу, и родители еще шестерых раздумывали над тем, чтобы включить в нее и своих детей. Все хлопоты, которые надо было предпринять, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, уже были позади, и было приятно сознавать, что процесс запущен.

Он почувствовал, как телефон в его кармане завибрировал, и достал его. Это было сообщение от Саванны.

Придешь сегодня на ужин? Я поджарила курицу.

Трэвис начал набирать текст.

Извини, увидел твое сообщение слишком поздно. Все равно спасибо.

Через несколько секунд от нее пришло еще одно сообщение.

Потом я иду в «Граулер». Хочешь пойти со мной?

Трэвис покачал головой.

Как-нибудь в другой раз. Мы с Хью останемся сегодня дома.

Едва он нажал на кнопку «отправить», как в кухню вошел его брат.

– С кем ты переписываешься?

– С Саванной Хейс.

Хью скорчил гримасу.

– Что ей надо?

– Ничего.

Трэвис положил телефон на стол и открыл холодильник.

– Когда ты пришел домой, на Максе уже не было ошейника?

– Не знаю, – ответил Хью, протягивая руку к пакету с готовой курицей.

– Ты помыл руки?

Хью подошел к раковине и включил воду.

– В этом месяце он потерял уже два ошейника, – сказал Трэвис, вынимая из холодильника салат в пакете. – Надо будет осмотреть забор; может быть, Макс опять зацепился ошейником за гвоздь.

Поставив салат на стол, Трэвис разлил напитки и прочел молитву.

– Как дела на работе? – поинтересовался он у брата.

Хью пожал плечами и откусил кусок курицы. Последние три месяца он работал в некоммерческой организации, которая нанимала программистов, чтобы те работали по контрактам с крупными высокотехнологическими компаниями Северной Каролины. Трэвису было нелегко найти работу для своего брата – отнюдь не все соглашались иметь дело с такими, как Хью, – и он гордился, что его брат сумел удержаться на этом месте. Как жаль, что их родители не дожили до сегодняшнего дня и не смогли увидеть, каких успехов добился их младший сын.

– Встреча в школе прошла хорошо. – Трэвис улыбнулся. – Знаешь, нельзя понять, насколько малы размеры начальной школы, пока ты не придешь туда, будучи уже взрослым. Я помню то время, когда мы учились там – тогда это место казалось нам огромным.

Когда отклика не последовало, Трэвис решил сосредоточиться на своем ужине. В их доме так проходило большинство вечеров – короткий разговор, а вернее монолог одного Трэвиса, изредка прерываемый выплесками эмоций Хью, когда он бывал чем-то расстроен. В целом они жили неплохо, но иногда Трэвису бывало ужасно одиноко. Он не мог не чувствовать, что ему чего-то не хватает. Или кого-то.

Если бы только Эмми могла увидеть, как хорошо идут дела у Хью.

Трэвис покачал головой. Нет. Она ясно дала ему понять, что он должен сделать выбор – или он будет верен своим брачным обетам, или своей семье. В конечном итоге их брак распался не из-за обещания, которое он дал своим родителям, а из-за нежелания его жены идти на компромисс. Да и вообще, как он мог жить с Эмми, если он не может уживаться сам с собой?

Бедная Эмми. Выходя за меня замуж, она и не подозревала, что в нашей жизни будет постоянно присутствовать еще один мужчина.

– Когда я был в школе, я познакомился с одной женщиной, – сказал он. – Ее зовут Рене, и у нее розовые волосы.

Хью поднял взгляд.

– В самом деле?

– Да. Не все, только челка, но эта челка была похожа на розовую сахарную вату. Очень яркую.

– Мне нравится сахарная вата.

– Знаю. Думаю, Рене понравилась бы и тебе. – Трэвис улыбнулся, вспоминая свою встречу с ней. – Она была очень мила.

Рене милая, подумал он. Она одна из тех людей, в обществе которых ты расслабляешься и чувствуешь себя непринужденно. Трэвис был так занят, управляя бизнесом, который оставили ему его родители, и учреждая Фонд Дилов, что ему уже много месяцев никак не удавалось поговорить с какой-нибудь женщиной просто так. Ему было жаль, когда ей пришлось уйти.

Хью протянул руку за еще одним куском курицы.

– Почему у нее были розовые волосы?

– Что? А, она парикмахер. Наверное, они иногда красят свои волосы в необычные цвета, чтобы показать женщинам, как те могли бы изменить свой внешний вид.

Пожинав, братья убрали со стола, потом приступили к своему обычному вечернему ритуалу: Трэвис встал у раковины и начал счищать с посуды остатки пищи и ополаскивать ее, а его брат размещал ее всю в посудомоечной машине. Хью был мастер аккуратно укладывать вещи в ограниченном пространстве.

Чтобы функционировать, таким людям, как Хью, были необходимы порядок и предсказуемость, и нынешний ритуал мытья посуды был одним из многих рутинных процессов, благодаря которым жизнь братьев текла гладко и упорядоченно, но Трэвис понимал, что отнюдь не всем хочется быть обязанными делать одно и то же каждый божий день. Поэтому он после своего развода и не хотел заводить отношений с женщинами. То, что одного человека успокаивает, другого может подавлять.

Может быть, потому-то ему и понравились Рене и ее миленькая розовая челка. Было что-то до того беззаботное в этой цветной дуге, обрамляющей ее лоб, и это немного шокировало его, выбило из привычного ему настроя, заставив его почувствовать, что в жизни есть что-то еще, помимо прозябания в стиле повторяющегося изо дня в день «Дня сурка», которое было его уделом с тех пор, как умерли родители.

Хью закрыл дверцу посудомоечной машины и посмотрел на брата:

– Трэв?

– Да?

– Есть еще голубая сахарная вата. Рене могла бы покрасить мне волосы в голубой цвет?

– Не знаю. – Трэвис поморщился. – Ты уверен, что хочешь, чтобы у тебя были голубые волосы?

Хью на секунду задумался.

– Нет, – сказал он. – Лучше розовые.

– Согласен, но, к сожалению, я не знаю, где именно она работает. Я собирался спросить ее, не хочет ли она выпить со мной чашечку кофе, но тут ей пришлось уйти, и я упустил свой шанс.

Трэвис взял посудное полотенце и начал протирать кухонный стол.

– Не знаю, может быть, мне следовало бы оставить ей записку. – Он пожал плечами. – А ты что об этом думаешь?

Он поднял глаза, но Хью уже ушел.

* * *

Когда посуда была вымыта и кухня убрана, Трэвис взял мобильный телефон и направился в свой кабинет, чтобы поработать. Хью опять сидел в гостиной, не более коммуникабельный, чем камень, а Макс лежал на полу у его ног. Трэвис сел в кабинете за свой письменный стол, включил компьютер и начал писать электронное письмо своему адвокату.

Теперь, когда появились первые кандидаты для включения в его школьную программу, ставки стали еще выше. Надо будет убедиться, что средства и на тестирование детей, и на оплату работы психотерапевта будут готовы еще до того, как они понадобятся, и каждый шаг надо будет задокументировать и обосновать, чтобы избежать проблем с налоговой службой. Бывали дни, когда перед ним вставало столько препятствий, что ему хотелось бросить все и отступить, но если его программа спасет хотя бы одну семью от того, что пришлось пережить его родителям, это будет того стоить. И если это поможет ему облегчить свое горе от их утраты, тем лучше.

Он перечитал свое электронное письмо, отправил его и откинулся на спинку кресла, прислушиваясь к мелодии «тетриса», доносящейся из гостиной. Хотя Хью уже было тридцать лет, он во многих отношениях оставался ребенком, и Трэвис искренне завидовал этой способности своего брата целиком погружаться в виртуальный мир. Чего бы он ни отдал ради такой же способности на несколько драгоценных часов забыть обо всех обязанностях, которые наложила на него жизнь, несколько не беспокоясь о том, что все в ней может пойти прахом.

Его мобильник зазвонил, и он посмотрел, от кого поступил этот звонок.

Саванна – опять.

Трэвис вздохнул и, чувствуя себя виноватым, переадресовал вызов на свою голосовую почту. Похоже, Саванна Хейс узнала о том, что он возвращается в Болингброк еще до того, как об этом узнал он сам.

Не прошло и нескольких дней после похорон его матери, как Саванна снова появилась в их доме, принесла еду и предлагая помощь, и Трэвис, сам не свой от горя, был благодарен ей за доброту. То, что Саванна знала в Болингброке и многих людей, и многие места, также было очень полезно и помогло ему заново вписаться в общество, которое он покинул много лет назад. Но когда ему стало ясно, что Саванне нужна от него не только дружба, а нечто большее, он пошел на попятный. Эмоциональная травма, которую нанес ему развод, была еще слишком свежа, и он просто не был готов к новым серьезным отношениям.

С тех пор они время от времени ходили пить кофе или выпивали с друзьями в «Граулере», но чем дольше они общались, тем больше Трэвис уверялся, что отношения с Саванной у него не сложатся никогда. Несмотря на всю свою красоту и образованность, Саванна была очень закомплексована, и у Трэвиса, которому было необходимо заботиться о Хью и от способности которого спасти «Дил Индастриз», компанию его родителей, зависели пять тысяч сотрудников, не оставалось ни времени, ни сил для того, чтобы сделать ее счастливой. Но даже при всем том он смог бы поладить с Саванной, если бы не одно обстоятельство: Трэвис хотел иметь детей – причем неважно, своих или приемных – а Саванна их иметь не хотела. После того как она ясно ему об этом сказала, продолжать отношения с ней было бы не только бессмысленно, но и жестоко – ведь он не собирался менять своего мнения, как и она. С тех пор он был слишком занят исполнением своих обязательств, и потому их пути пересекались редко, однако по мере того, как его жизнь возвращалась в нормальное русло и мысль о женском обществе опять начинала казаться ему привлекательной, Трэвису становилось все труднее и труднее держаться от Саванны на расстоянии. Саванна умела быть соблазнительной, как сирена, и сопротивляться этому соблазну было так же нелегко, как и пению этих мифических существ.

Он услышал царапанье в дверь, и Макс, толкнув ее, вошел в его комнату. Общение Хью с этой терапевтической собакой сотворило настоящее чудо – это повысило его уверенность в себе и коммуникативные навыки, которые были ему нужны, чтобы получить работу. Но в последнее время Хью начал отказываться брать Макса с собой на работу, говоря, что из-за того, что окружающие считают, что ему необходима помощь собаки, он привлекает к себе нежелательное внимание. Так что поскольку и Трэвис, и Хью проводили много времени на работе, Макс большую часть дня оставался в одиночестве. Наверное, поэтому он все время и старался сбежать со двора. Может быть, какой-то собачий инстинкт говорил ему, что у него еще есть невыполненная работа. А может быть, Макс просто ищет, с кем бы поиграть.

Пес подошел к Трэвису и положил голову ему на колени.

– Ну что, – сказал Трэвис, глядя пса по широкой голове, – опять на тебе нет ошейника. Куда же ты их деваешь?

Он запустил пальцы в шерсть на шее Макса, пытаясь отыскать причину исчезновения его ошейников. Может быть, у него на шее есть что-то – сыпь или порез, – что заставляет его избавляться от всего того, что к ней прикасается? Или же он просто так озорничает, пользуясь тем, что никого нет дома? В чем бы ни состояла причина его проделок, было необходимо, чтобы он их прекратил. Если пес будет и дальше сбегать со двора, велика вероятность, что он может пораниться.

Проводя рукой по плечу огромного пса, Трэвис нащупал на его коже небольшой струп.

– Что это? – сказал он вслух, беря со своего письменного стола очки для чтения. – Ты что, поранился?

Трэвис наклонился и отвел в стороны шерсть пса, чтобы лучше рассмотреть то место, на котором он нащупал струп. Действительно, здесь клочок шерсти был вырван, и под ним на

коже остался покрытый коркой засохшей крови участок размером с горошину. Трэвис легко коснулся его, и плечо Макса дернулось.

– Чем же ты занимался?

Макс грустно и виновато закатил глаза, и Трэвис ласково погладил его.

– Я понимаю, тебе тяжело целыми днями оставаться одному, – сказал он. – Я тебе вот что скажу: на этой неделе я постараюсь провести один день дома.

Трэвис поморщился.

– Нет, на этой неделе не получится – у меня назначено слишком много встреч. Может быть, в выходные. Нет, в субботу утром у меня встреча с доверителем фонда выкупа облигаций, а потом мне надо прийти на церемонию награждения в Молодежной торговой палате. А на следующей неделе мне надо будет присутствовать на заседании совета директоров, а затем Хью предстоит поездка в интернат для людей с такими психическими нарушениями, как у него, а потом надо будет праздновать Рождество...

Трэвис тяжело вздохнул. Он совсем забыл про Рождество. Ему придется купить елку и достать с чердака гирлянды и елочные игрушки. А еще надо будет выбрать и красиво завернуть рождественские подарки и приготовить праздничный ужин – раньше всем этим занимались Эмми или его мать, а теперь ему придется взять все эти хлопоты на себя. Он почувствовал, как у него засосало под ложечкой. У него и без того столько неотложных дел, так откуда он возьмет время и на Макса?

Если бы только он мог делегировать какую-то часть этих дел Хью, подумал он, но его брат не способен ему помочь. Он не умеет водить машину, так что Трэвису приходится либо нанимать кого-то, чтобы возить его, либо делать это самому, а если он попросит Хью помочь ему с покупкой подарков, этот процесс займет в два раза больше времени, чем если бы он сделал все сам. К тому же поскольку Хью постоянно находится в своем собственном тесном мире, с ним даже нельзя поговорить.

Трэвис почувствовал, как Макс пошевелился, и посмотрел на него. Пес ласково положил одну лапу на его руку. Он видел, как Макс проделывал это сотни раз, когда Хью бывало худо. Трэвис улыбнулся.

– Ты понимаешь меня, Макс, да? Похоже, ты всегда знаешь, что делать.

Мужчина глубоко вздохнул и откинулся на спинку кресла, чувствуя смущение оттого, что пусть и на короткое время отпустил вожжи и поддался жалости к себе. Ведь, по правде сказать, заботиться о своей семье ему куда легче, чем большинству других людей. Пусть из-за брата на нем лежит большая ответственность, но ведь в его распоряжении есть и больше средств – куда больше, чем было у его родителей, когда родился Хью. Многие люди, у которых есть родственники с отклонениями в развитии, не имеют возможности оказать им помощь, которая нужна. Поэтому он и финансирует программу для особенных детей в той начальной школе, в которой учились они с Хью. Надо дать и другим подобным детям такой же шанс приспособиться к жизни, какой был у Хью.

Он выключил компьютер и направился в свою спальню. Макс последовал за ним. Нет, пытаться заняться всем сразу – это путь к катастрофе, сказал себе Трэвис. До Рождества еще есть время, а вот церемония награждения состоится уже в эти выходные. Раз он будет почетным гостем Молодежной торговой палаты, надо будет сделать все, чтобы выглядеть прилично.

Макс запрыгнул на кровать и начал топтаться на своем любимом месте. Мать Трэвиса говорила, что если позволить псу спать на кровати, он избалуется, но пока что Трэвис не замечал за ним никаких признаков избалованности. К тому же Макс был членом семьи, а членов семьи не заставляют спать на полу.

Трэвис открыл стенной шкаф для одежды и посмотрел, не нужно ли отдать его выходной костюм в чистку. Нет, с ним все в порядке, и на его любимом галстуке тоже нет ни единого

пятна. Затем Трэвис провел рукой по своим волосам. Сколько времени он уже не стригся? По меньшей мере несколько недель. Пожалуй, пора это исправить.

Подстричься!

Его лицо медленно расплылось в улыбке. Если он выяснит, где работает Рене, он сможет зайти в этот салон, чтобы его подстригла именно она. И если все пройдет хорошо, возможно, он сможет пригласить ее выпить с ним кофе. Мужчина лег в постель, радуясь тому, что нашел повод встретиться с нею еще раз, и протянул руку за книгой, которую обычно читал перед сном. Рядом с ним Макс улегся на свое место и довольно вздохнул.

Глава 7

Войдя в дом, Рене сразу же ощутила восхитительный аромат лазаньи, которую приготавливал ее отец. В гостиной никого не было, но она слышала звук работающего телевизора и напевный девчачий треп, доносящийся из комнаты МакКенны. Повесив пальто на вешалку, Рене направилась в кухню, и у нее потекли слюнки. После всего, что случилось сегодня, ей хотелось вкусно поесть.

Лазанья стояла на плите, покрытая двумя слоями алюминиевой фольги. Рене отогнула фольгу и нахмурилась. Уэндел всегда готовил столько лазаньи, что хватило бы на небольшую армию. Куда же подевалась большая ее часть?

Дилан, подумала Рене. У этого парня бездонный желудок.

Она отрезала себе небольшой кусок слоеной пасты и поставила его в микроволновку, чтобы разогреть, затем взяла вилку и отнесла свою тарелку к столу. Дилан сидел, склонившись над учебником.

– Ты не против, если я тоже сяду?

Он покачал головой и подвинул книгу, чтобы она могла поставить свою тарелку.

– МакКенна в своей комнате, – сказал он, – а Киран у дедушки.

Она подула на кусочек лазаньи.

– Что, домашнее задание сегодня есть только у тебя?

Дилан пожал плечами.

– Не знаю.

Рене кивнула, задумчиво жуя. У Уэндела хорошо получалось заставлять детей делать их домашние задания. Наверное, Дилан сейчас просто делает какое-то дополнительное задание, чтобы продолжать получать высокие оценки. Удивительно, как быстро учатся подростки, когда их тренеры держат ситуацию под контролем.

– Завтра ты должен отвезти МакКенну к стоматологу, ты не забыл?

– Помню.

– Думаешь, она тоже помнит?

– Вероятно, нет.

Рене положила в рот еще кусочек лазаньи.

– Я напомню ей об этом перед тем, как лечь спать.

– Киран хочет спросить тебя, можно ли ему завтра снова пойти домой пешком.

Рене тяжело вздохнула.

– Ах, вот оно что.

Когда в пятницу она узнала, что Киран вернулся домой пешком, она испугалась, что он начнет просить ее разрешить ему делать так всегда. От школы до дома было недалеко, но Киран мог замечтаться, и Рене боялась, что если он окажется в незнакомом месте, то не сможет отыскать дорогу домой. Однако теперь, когда он успешно проделал это один раз, этот аргумент уже не сработает.

– Не знаю, – сказала она. – Мне надо будет об этом подумать.

Рене доела свой ужин и пошла посмотреть, как там МакКенна. Дверь в комнату дочери была слегка приоткрыта; Рене постучала и вошла. МакКенна лежала на диване и говорила по телефону, упершись ногами в стену. Когда в комнату вошла ее мать, она опустила ноги и перевернулась на бок.

– Подожди секундочку, – сказала она и, положив телефон себе на грудь, раздраженно посмотрела на Рене: – В чем дело?

– Ты сделала домашнее задание?

– Нам ничего не задали.

– И по старым домашним заданиям нет хвостов?

МакКенна закатила глаза:

– Нет.

– На завтра ты записана к стоматологу. Дилан отвезет тебя на машине после школы, так что не садись в автобус.

– Да не сяду я в этот автобус. Черт возьми, да не считай меня дурой.

Рене почувствовала, как ее губы напряглись. Подобное нахальство было редкостью даже для МакКенны. Она что, действительно настолько на взводе, или же она разыграла всю эту комедию, просто чтобы произвести впечатление на свою собеседницу?

– С кем ты говоришь?

Лицо девочки вытянулось:

– С Тирни.

Ах, вот оно что. По словам МакКенны, Тирни была самой популярной девочкой в их школе, той, на месте которой мечтали оказаться все остальные девочки и в кого были влюблены все мальчишки. С тех пор, как их семья переехала в Болингброк, МакКенна страстно желала оказаться в числе тех немногих избранных, кого Тирни включала в круг своих друзей.

Рене показала на свои часы:

– Закругляйся и ложись спать.

МакКенна кивнула и перевернулась на другой бок. Рене закрыла дверь.

– Ничего важного, – донесся до нее голос ее дочери. – Это была всего лишь моя мама.

Киран и Уэндел сидели на диване и с выключенным светом смотрели телевизор. В голубом свете телевизионного экрана их лица казались лишенными красок, и на них лежали причудливые тени, делавшие их похожими на упырей. Рене включила свет.

– Смотреть телевизор в темноте вредно для глаз, – сказала она.

– Мама, – запротестовал Киран, – мы выключили свет, чтобы все было как в кинотеатре.

– Что ж, мне очень жаль, но тебе пора идти спать.

Киран сложил руки на груди и отчаянно заморгал.

– А дедушка сказал, что я могу посмотреть телевизор.

Рене взглянула на своего отца.

– Это же канал «Нэшнл джиогрэфик», – сказал он таким тоном, будто это отменяло необходимость идти в постель. – Это образовательная передача.

– Ага, – сказал Киран. – Там был аллигатор, он выскочил из воды и как схватит того тюленя! Вот так!

Он вскочил на ноги, демонстрируя маневр хищника.

– Дедушка сказал, что он, наверное, перекусил этого детеныша пополам.

Рене подняла одну бровь.

– Он так и сказал?

Уэндел взял пульт и выключил телевизор.

– Твоя мама права. Тебе пора идти спать.

– Ну-у, дедушка, – сказал мальчик, хватаясь за руку деда. – Можно я посмотрю еще чуть-чуть? Мы ведь даже не досмотрели эту передачу до самой интересной части.

– Мы посмотрим ее в следующий раз, – ответил Уэндел, похлопав внука по спине. – Иди спать. Слушайся маму.

Киран слез с дивана, медленно прошел по комнате и начал подниматься по лестнице на четвереньках. Когда он добрался до лестничной площадки верхнего этажа, Рене повернулась и опять посмотрела на своего отца.

– Могу ли я спросить, о какой такой самой интересной части он говорил?

Уэндел пожал плечами.

– О брачном периоде. Он хотел узнать, откуда берутся детеныши тюленей.

Рене удивилась. Она полагала, что Кирану еще рано интересоваться такими вещами, но, видимо, это было не так. Все трое ее детей так быстро росли. В следующем году Дилан уже поступит в колледж, а МакКенна с каждым днем становилась все больше похожей на женщину. Наверное, она, Рене, просто хотела надеяться, что хотя бы Киран еще на какое-то время останется ее малышом.

– Спасибо за ужин, папа. Лазанья была просто замечательной.

– Тебе повезло, что от нее хоть что-то осталось. По-моему, Дилан умял добрую ее половину. – Он встал с дивана, потер ноющую спину и обнял дочь. – Как прошел день?

Она покачала головой.

– Я все расскажу тебе позже. Дай мне сначала уложить детей.

* * *

Час спустя Рене спустилась к отцу и увидела, что он стоит у плиты в своей маленькой кухне. Они превратили цокольный этаж в его апартаменты и пока что такой расклад всех устраивал, но иногда ей все равно начинало казаться, что покупка дома в складчину, чтобы жить там всем вместе, была неудачной идеей. Уэндел уже вырастил двоих детей, и, если не считать его немногочисленных болей в суставах и спине, он был еще бодр и в здравом рассудке. Сейчас ему следовало бы жить в свое удовольствие, думала она. А вместо этого он заботится о ней.

– Киран хочет завести собаку, – сказала она, садясь за стол. – Насколько я поняла, какая-то доктор Джоан сказала, что ему нужна собака.

Уэндел кивнул:

– Это их школьный социальный педагог. Он мне рассказал.

– И что ты ему ответил?

– Я сказал, что он может попросить тебя разрешить ему завести собаку, но ты, наверное, не согласишься.

Он взял с полки две кружки, налил в каждую по столовой ложке шоколадного сиропа и разбавил его горячим молоком. Затем добавил немного ликера «Бейлис» и поставил обе кружки на стол.

– Пей. Это хорошее средство от того, что тебя гложет.

– Ты меня балуешь, – сказала Рене. – И знаешь это сам.

Она отхлебнула горячего напитка и почувствовала, как по ее телу разливается тепло.

– Жаль, что я не могла выпить чего-нибудь в этом роде, прежде чем отправиться домой. На улице мороз. – Рене обхватила кружку руками, пытаясь согреть их. – Спасибо, папа. Это как раз то, что мне сейчас нужно.

Уэндел сделал глоток и причмокнул губами.

– По-моему, тебе следовало бы все-таки сказать «да».

– Насчет собаки? Папа, я тебя умоляю.

– Социальный педагог права. Это пошло бы Кирану на пользу.

– Знаешь, не доктор Джоан оплачивает наши счета. Так что я говорю «нет».

В кухне воцарилось недолгое молчание, во время которого они оба смаковали свои напитки. Рене знала, что ее отцу есть что еще сказать по поводу приобретения собаки, но пока что он согласен оставить эту тему.

– О чем с тобой говорила миссис Дэлтон? – спросил он. – О чем-то серьезном?

Рене сглотнула.

– В школе запускают программу помощи детям с нарушениями обучаемости. И учительница Кирана считает, что его надо в нее включить.

– Какие такие нарушения обучаемости?

Рене покачала головой. Говорить об этом с миссис Дэлтон было тяжело, но рассказывать об этом отцу было еще тяжелее. Уэндел и Киран были близки, как отец и сын, нет, еще ближе, если вспомнить, как отчужденно к своему сыну относился Грег. Она не знала, как сказать отцу, что его внук, возможно... неполноценен.

– Социальный педагог говорила, что у него, возможно, невроз навязчивых состояний.

– А, это. – Уэндел пожал плечами и выпил еще горячего шоколада.

Рене уставилась на него:

– погоди. Ты что, хочешь сказать, что это тебя не удивляет?

– А чему тут удивляться? Парнишка гримасничает, издает странные звуки и считает каждый свой чертов шаг. Если это не навязчивое состояние, то что тогда обозначает этот термин?

Рене не находила слов. Неужели она была единственной, кто не понимал, в чем дело?

– Почему же ты ничего мне не говорил?

– А с какой стати? У тебя же тоже есть глаза. Я думал, ты просто не хочешь об этом говорить.

Она бессильно уронила голову на руки, сложенные на столе.

– О, господи, папа, я чувствую себя идиоткой. Я все время уверяла себя, что странности в поведении Кирана – это просто что-то такое, что он в конце концов перерастет. Если бы я понимала, что это так серьезно, я бы... – У нее задрожал подбородок. – Я хочу сказать, мне следовало что-то сделать, вместо того чтобы просто позволять ему страдать.

– А кто тебе сказал, что он страдает? Все могло бы быть намного хуже. Скажи спасибо, что он не моет руки по сотне раз на день.

Она подняла голову.

– О боже. Не говори таких вещей, папа. Даже не думай о них.

Он пожал плечами и отхлебнул еще из своего стакана.

– Так что они там собираются делать?

Рене вытерла глаза.

– Им надо будет записать Кирана на прием к психологу.

– А что будет потом?

Она пожала плечами.

– Наверное, его будут лечить. Эту программу финансирует какой-то благотворитель. Так что думаю, все будет зависеть от того, насколько он будет готов раскошелиться.

– И это все?

– Думаю, пока да.

Уэндел посмотрел на ее почти опустевшую кружку.

– Хочешь еще?

Рене кивнула:

– Может быть, чуть-чуть.

Мужчина встал и начал опять подогревать молоко для горячего шоколада.

– А как прошла остальная часть дня?

Рене улыбнулась, радуясь тому, что он сменил тему разговора.

– Неплохо. У меня было несколько клиентов, явившихся в наш салон без записи, и одна, которой меня порекомендовала Саванна Хейс.

Она сделала последний глоток своего напитка.

– Не понимаю я эту женщину. Она порекомендовала меня многим своим знакомым, за что я ей благодарна, но, с другой стороны, она говорит моим клиенткам, что им не следует давать мне чаевых, потому что их посылает ко мне она, так что мне приходится работать больше, а получать меньше.

Уэндел взял ее кружку, поставил ее на плиту и налил в нее еще горячего шоколада.

– Разве ты не можешь так ей и сказать?

Она покачала головой:

– Саванна в нашем салоне что-то вроде пчелиной матки, и мне совсем не хочется, чтобы в меня вонзилось ее жало.

– А-а.

– А как ты? – спросила Рене. – Как прошел день у тебя?

– Как обычно. – Он переместил обе кружки на стол. – Зашел в кафе-магазин «У Клинта», поболтал о том о сем с приятелями. Тут мало чем можно заняться.

Рене виновато посмотрела на отца.

– Мне жаль, что ничего не вышло... ну, ты понимаешь... с Батчем. Ради меня ты только зря поставил себя под удар.

– Насчет этого не беспокойся, – ответил он. – На свете еще много мужчин. Мы тебе кого-нибудь найдем.

Рене кивнула. Она понимала – он хочет как лучше, но ей было стыдно, что мужчин на свидания с ней приходится заманивать ее отца.

– Послушай, папа, я ценю твою помощь, но тебе нет нужды искать мне другого мужа. Я уже большая девочка.

– Я знаю, – сказал он. – Но тебе надо работать и у тебя трое детей, которых нужно вырастить. Думаю, с тех пор, как мы живем в этом городе, самостоятельно ты так и не познакомилась ни с одним мужчиной.

– А вот и познакомилась, – ответила она. – Это случилось сегодня вечером.

Уэндел посмотрел на нее с недоверием:

– Не может быть.

– Может. Он был в школе, и мы разговорились, пока я ждала учительницу Кирана.

– И как же его зовут?

– Трэвис Дил, и он был очень мил.

Ее отец прищурился.

– А он тебя куда-нибудь пригласил?

– Н-нет, – немного расстроившись, ответила женщина. – Думаю, он пригласил бы меня, но тут миссис Дэлтон позвала меня в класс, и...

Она вздохнула, чувствуя огорчение от несбывшихся ожиданий.

– Впрочем, не знаю, может быть, он бы меня так и не пригласил. Ведь он учился в Принстоне, так что с чего бы ему вдруг захотеть пойти куда-нибудь с кем-то вроде меня?

– Что ты хочешь этим сказать? Ведь ты отнюдь не глупа.

– Как бы то ни было, наверное, я просто неправильно истолковала ситуацию.

Рене покачала головой.

– Иногда мне кажется... не знаю... кажется, что я навсегда останусь одна.

Уэндел выгнул одну бровь.

– Что за дурацкая мысль.

– Прости, – сказала она. – Просто захотелось поплакаться в жилетку.

Рене отнесла опустевшие кружки к раковине и вымыла их. Наверное, ей так грустно оттого, что скоро Рождество. Она всегда считала Рождество самым лучшим праздником в году – рождественские гимны, яркие огни, наряженная елка – и даже снег казался ей чем-то волшебным. Но в этом году дети будут скучать по своему отцу, и от мысли о том, что все будут просто слоняться по дому, действуя друг другу на нервы, становилось так тоскливо. Слава богу, что в гости приедут Джек и его семья; ее брату всегда удавалось ее развеселить.

Она улыбнулась. Здорово будет опять поиграть в Санта-Клауса. Рене подозревала, что Дилан и МакКенна уже рассказали Кирану, что Санта – это выдумка взрослых, но маленькие Лили и Грейс наверняка будут с нетерпением ждать от него подарков, и остальные им подыграют. Она уже купила леденцы в форме посохов для их рождественских чулок, а если ее соб-

ственные дети забудут повесить у камина рождественские чулки для себя, то у нее есть запасные на чердаке. А если Джеку и Уэнделу удастся провести два с половиной дня под одной крышей, ни разу не поссорившись, все будет просто великолепно.

– Мне сегодня звонил Джек. Он сказал, что они с удовольствием приедут к нам на Рождество, – сказала Рене.

Уэндел положил на стол газету и принялся решать sudoku.

– Хм. Еще бы.

Рене глубоко вздохнула и постаралась не позволить прохладному отношению ее отца к приезду Джека испортить ей настроение, которое только-только начало исправляться.

– Как знать? – сказала она. – Последнее время стоят такие холода, что, возможно, на Рождество даже выпадет снег.

– Упаси бог. – Уэндел заполнил квадрат sudoku. – Ты можешь себе представить, что будет, если наш дом завалит снегом, когда в нем будет находиться вся эта орава?

Рене выключила воду и посмотрела на своего отца:

– Папа, прошу тебя, хотя бы в этом году не ссорься с Джеком. На это Рождество нам и так придется несладко, так что хотя бы вы двое постарайтесь не заваривать кашу.

– Это будет зависеть от Джека, – сказал Уэндел. – Но ради тебя я постараюсь с ним поладить.

Глава 8

Саванна стояла в темноте, слушая Брэда Пэйсли и вглядываясь в зал бара в поисках знакомых лиц. Бару «Граулер» было свойственно своего рода раздвоение личности: в зависимости от дня недели вечерами здесь собирались две диаметрально противоположные группы посетителей. В пятницу и субботу бар был полон молодых менеджеров высшего звена, которые пили у стойки такие коктейли, как «Джордж Дикел» и «Мексикан Кейк», и мысленно оттачивали фразы для съема, прежде чем подойти к сидящим за столиками красоткам. А во все остальные вечера недели в «Граулере» толпились неотесанные работяги, поющие под караоке и пьющие светлое пиво.

За столиком, стоящим в глубине зала, Саванна увидела трех своих знакомых женщин. Согласно существующей в Болингброке социальной иерархии эти девушки не принадлежали к самым сливкам общества, но с ними приятно было вместе посмеяться, к тому же они не могли составить Саванне достойной конкуренции, так что в их обществе она могла позволить себе не напрягаться. Она перехватила взгляд официантки и заказала себе коктейль «Козмо», затем двинулась к столику своих знакомых. Пусть они и стоят ниже ее на общественной лестнице, это вовсе не значит, что сегодня вечером она должна установить для себя более низкие стандарты.

Первой ее заметила Энджи. Она встала и замахала руками, а Черити и Верна сдвинули свои стулья, чтобы освободить место для Саванны.

– Привет всем, – сказала Саванна, садясь. – Извините за опоздание.

– Привет, – ответили они.

Энджи огляделась по сторонам.

– Мы тут сидели и гадали, придешь ли ты до того, как тут включают караоке.

– Чего было гадать? Я же сказала, что приду.

– А где Трэвис? – спросила Черити, взглянув на дверь. – Я думала, ты сказала, что на сей раз он появится.

– Все дело в его брате, дай бог ему здоровья, – ответила Саванна. – У Хью опять случился припадок, и Трэвис решил, что его нельзя оставлять одного.

– Этот Хью такой странный. – Энджи невольно содрогнулась. – Когда мы были маленькими, он всегда вгонял меня в дрожь.

Подошла официантка и поставила на стол бокал с «Козмо». Саванна вынула из него апельсиновую кожуру и сделала глоток.

– Итак, – сказала она, – тут у вас было что-нибудь интересное?

Энджи искоса взглянула на женщину, сидящую справа от Саванны.

– Верне кажется, что на ее удочку попалась рыбка.

Саванна улыбнулась сидящей рядом с ней пухленькой женщине с рыжими волосами. Верна покраснела до корней волос.

– Ого, мисс Ви, – сказала Саванна, хлопнув Верну по руке. – Кому это так повезло? Покажи его мне.

Верна покачала головой и бросила на остальных предостерегающий взгляд.

– Он стоит у стойки, – сказала Энджи. – Второй справа. Он и Верна обмениваются красноречивыми взглядами с тех самых пор, как мы вошли в бар.

Саванна начала было поворачивать голову, чтобы взглянуть на него, но Верна схватила ее за руку.

– Не-ет, – зашипела она. – Я не хочу, чтобы он узнал, что мы говорим о нем.

– Не беспокойся, – прошептала Саванна. – Я буду очень осторожна.

Она взяла салфетку, которой был накрыт ее коктейль, и уронила ее на пол.

– О Боже! – вскричала она. – Мне надо ее поднять.

– Неплохо, – фыркнула Энджи. – Уверена, он ничего не заподозрит.

Саванна нагнулась за салфеткой и украдкой посмотрела на мужчину, на которого нацелилась Верна. Он стоял, прислонясь спиной к стойке, расставив ноги, выпятив пах в сторону четырех женщин и держа в руке бутылку, и выражение лица у него при этом было настолько плотоядное, что Саванна неожиданно почувствовала животное вожделение. Он был мускулист – скорее жилист, чем накачан – с широкими плечами и светло-голубыми глазами, красиво сочетающимися с загаром, который явно был результатом многих лет, проведенных на открытом воздухе. Конечно, это был не Трэвис Дил, но это был огромный шаг вперед по сравнению с теми босяками с волосами, собранными в конские хвосты, и толстозадными водителями грузовиков, которых обычно подцепляла Верна.

– Он очень даже неплох, – заметила Саванна, кладя салфетку обратно на стол. – Думаю, тебе предстоит приятный вечер. Если ты сумеешь и впрямь подцепить его на крючок.

– Давай, Верн, действуй, – сказала Энджи. – Похоже, Саванна сомневается в твоих перспективах.

Верна глупо ухмыльнулась:

– По-моему, у нее самой не все ладно в этих делах.

Две остальные женщины многозначительно переглянулись, стараясь скрыть, что им смешно.

– Я же сказала вам, – процедила Саванна сквозь зубы. – Ему пришлось остаться дома, чтобы присматривать за Хью.

– А, ну да.

Верна откинулась на спинку стула с самодовольной усмешкой.

Саванна сжала губы. Как они смеют обращаться с ней так, будто она никто и звать ее никак? Когда они все учились в старших классах средней школы, эти девки отдали бы свои верхние клыки за одно ее слово, не говоря уже о том, чтобы провести час в ее обществе. Зачем она вообще дала себе труд внести какой-то интерес в их скучную жалкую жизнь? Эти идиотки понятия не имеют о том, каково это – по-настоящему хорошо проводить время.

Саванна отпила еще «Козмо». Этого никогда бы не произошло, если бы Трэвис пришел с ней сегодня в этот бар. Прошло уже несколько месяцев с тех пор, как они виделись последний раз, и ей давно надоело отвечать на расспросы о том, почему они не появляются вместе, говоря, что он чересчур занят или что он не смог прийти, потому что у него важная встреча. Верили ли ей те, кто задавал эти вопросы, или нет, но раньше все считали, что у их с Трэвисом отношений все-таки прочное основание, однако с недавних пор люди начали замечать трещины в их фасаде. Так что если Саванна в ближайшее же время не упрочит их отношения, в городе найдутся и другие женщины, которые могут посчитать, что Трэвис Дил мужчина свободный, и некоторые из них могут попытаться завоевать его благосклонность.

– А чем именно болен его брат? – спросила Энджи. – Он что, слабоумный?

Саванна покачала головой, стараясь говорить спокойно:

– Я не спрашивала, что именно с ним не так, но Трэвис говорил мне, что он аутист.

Теперь, когда они сменили тему на более безопасную, она почувствовала, что ее напряженные было лицевые мышцы расслабляются. Выступая источником информации о семье Дилов, она может представить дело так, будто она по-прежнему вхожа в их внутренний круг.

– Я слышала, что его жена не желала заботиться о его брате и что поэтому она и ушла от него.

Саванна кивнула с грустным видом:

– Сам он, разумеется, не любит об этом говорить, но его мать поделилась со мной этим секретом.

Энджи посмотрела на нее с сомнением.

– А ты уверена, что хочешь взять на себя заботу об этом его брате?

– Ну, – ответила Саванна, – у Хью теперь есть терапевтическая собака, и он к тому же начал работать, так что мы с Трэвисом надеемся скоро перевезти его в специальный интернат для людей с психическими нарушениями. Само собой, до нашей свадьбы.

– Ага-а, – протянула Верна. – А когда будет свадьба?

Саванна повернулась и посмотрела на нее с ледяной улыбкой. Верна ведет себя сейчас как стерва, потому что Саванна высказала сомнение, что ей удастся подцепить того мужчину у стойки бара. Что ж, не Саванна виновата в том, что она не хочет слышать правду, которая состоит в том, что у такой дуры, как она, Верна, куда лучше получается просто кокетничать с мужчиной, чем заставить его все-таки оторвать свой зад от стула и что-то сделать.

Бедная Верна, подумала она. Бедная толстая тупая Верна со своими немытыми волосами никогда не узнает, как ей, Саванне, легко заставить мужчину сделать то, чего она хочет. После ее развода Саванна сделала так, что заполучить ее стремились десятки мужчин, причем она поощряла их внимание куда меньше, чем Верна поощряла этого парня у стойки бара. Этой жалкой тупице никогда не понять, что быть рыбкой куда интереснее и приятнее, чем быть рыбаком. Девушка может получать массу всевозможных удовольствий, добиваясь, чтобы мужчина предложил ей более существенную приманку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.